

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

На правах рукописи

Сюсюкин Владимир Алексеевич

**Институционализация образования в сетевом обществе:
проблема топосов**

5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель
кандидат философских наук,
доцент Данилов С.А.

Саратов – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Проблематика сетевого общества: теоретико-методологические основания.....	14
1.1 Потенциал сетевого подхода в концепциях современной социальной философии.....	14
1.2 Теоретические основания институционализации образования.....	35
Глава 2. Топосы и динамика образования в пространстве сетевого общества.....	59
2.1 Институциональные формы образования в условиях сетевого общества.....	59
2.2 Стратегии и риски институционализации образования в пространстве сети: вызовы цифровизации.....	78
Заключение.....	99
Список литературы.....	102

Введение

Актуальность темы исследования. Современные исследования социальных наук характеризуются активным обращением к институциональному измерению, что объясняется стремлением зафиксировать и отразить происходящие в обществе изменения. В то же время институциональное измерение образования остается недостаточно представленным. Существующие исследования в этой области, как правило, сосредотачивают внимание на социокультурных факторах образовательного процесса, соотношении глобального и локального в образовании. Набирают также исследовательскую популярность работы связанные с цифровизацией образования. Но в условиях повышенной динамики социальных процессов особую востребованность должны получить решения, ориентированные на поиск моделей и сценариев, которые способны зафиксировать институциональные трансформации в условиях, когда сопряжение сетевых, цифровых процессов оказывает фундирующее воздействие на состояние образования.

С уверенностью можно сказать, что сами процессы цифровизации и информатизации общества влияют не только на их скорость, делая жизнь человека комфортнее, быстрее, прозрачнее и доступнее. Исследования в сфере социально-философской науки показали, что процессы цифровизации и сетевизации являются феноменами куда более сложными. В данном социальном контексте затрагиваются фундаментальные антропологические основания человека, трансформируются его жизненный мир и система ценностей и приоритетов. Влияние «цифры» сложно переоценить – она выдвигает новые правила социального взаимодействия, бросая человеческой цивилизации вызовы, ранее ее истории неизвестные. Наблюдаются серьезные изменения общественного бытия человека: некоторые аспекты жизни становятся неактуальны, другие же трансформируются и актуализируются в социальных практиках.

Итогом подобного рода процессов становится постоянно изменяющаяся рискогенная среда, которая представляет собой неоднородное социальное

пространство. В условиях постоянной изменчивости и смены парадигм социальной коммуникации, чрезвычайно важно для человека как субъекта найти устоявшиеся модели социального поведения. Данные модели, с одной стороны, должны опираться на надежные и исторически проверенные общественные практики. С другой же – они также должны быть пластичны и вариативны, так как именно эти свойства являются необходимыми условиями встраивания в современный социальный дискурс. Подобного рода элементом стабильности и социальной устойчивости являются социальные институты. Особое значение здесь имеет институт образования, который в условиях сетевого общества транслирует в общество актуальные и востребованные знания, а также способствует процессу интериоризации этических норм и духовно-нравственных ориентиров.

В связи со всем вышесказанным, можно заявить, что актуальность данного исследования выражается тем, что процессы институционализации образования в условиях сетевого общества мы наблюдаем в данный исторический момент. Образование как один из важнейших институтов в пространстве сетей является крайне чувствительной к социальным изменениям структурой. По этой причине в данной работе на основе методологического потенциала социально-философской науки исследована сущность процесса институционализации образования в пространстве сетевого общества. Исследование данного процесса дополнительно позволит понять, какие стратегии и риски институционализации образования в сетевом социуме мы можем обнаружить на сегодняшний день.

Проникая в сущность этого процесса, исследователю открывается многообразие форм социального мира, а также тенденции и других сферах общественного бытия: науки, политики, культуры. Продиктовано это той причиной, что именно образование выражает актуальный общественный запрос, отражает наиболее важные темы для общественного сознания, а также создает своеобразное единое аксиологическое поле. Говоря языком метафоры, можно сказать, что образование является в некотором роде «зеркалом социума».

Степень разработанности проблемы. Исторически сложилось, что проблематика образования человека интересовала исследователей как древней, так и современной науки. Независимо от исторической эпохи, ученым всегда были интересны механизмы образования, возможности применения методов воздействия на человеческое сознание, способы регуляции человеческой деятельности, а также пути формирования моральных ориентиров личности. К *первой* группе мы можем отнести труды мыслителей древности и современности: Аристотеля¹, Платона², Гесиода³, Гомера⁴, Ф. Аквинского⁵, Августина Аврелия⁶, Данте Алигьери⁷, Т. Мора⁸, Э. Роттердамского⁹. Среди классиков социальной теории и философов современного периода мы можем выделить работы Э. Дюркгейма¹⁰, Т. Парсонса¹¹, Э. Гидденса¹², П. Сорокина¹³, М. Вебера¹⁴.

Среди современных учёных, исследующих проблематику философии образования как многомерного процесса с выявлением ее сущностных

---

¹ Аристотель. Никомахова этика. Москва; Берлин: «Директ-Медиа», 2020. 222 с.

² Платон. Государство / Платон; вступит. ст.: К. А. Сергеева, Л. С. Камневой. Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 2005. 571 с.

³ Гесиод. Полное собрание текстов / вступительная статья В.Н.Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н.Ярхо. Лабиринт, 2001. 256 с.

⁴ Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича; [Предисл. И. Шталь]; [Ил.: Д. Бисти]. М.: «Гослитиздат», 1960. 435 с.

⁵ Фома Аквинский. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями / пер., сост., предисл., коммент. К. Бандуровского. М.: Издательство «АСТ», 2019. 320 с.

⁶ Творения / Блаженный Августин; сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998-. / 1998. Т. 3, Кн. 1-13: О граде Божиим. 595 с.

⁷ Данте А. Божественная комедия; Новая жизнь; Стихотворения, написанные в изгнании; Пир: [пер. с итал.] / А. Данте. М.: «Рипол-Классик», 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 958 с.

⁸ Мор Т. Утопия / пер. с латин. Ю.М. Каган; Вступ. статья И.Н. Осинковского [с. 5-81]; Коммент. Ю.М. Каган и И.Н. Осинковского. М.: «Наука», 1978. 415 с.

⁹ Эразм Роттердамский. Похвала глупости пер. с латин. П. Губера; [предисл. с. 5-40 и примеч. Л. Пинского; ил. Г. Гольбейна-мл.]. М.: «Художественная литература», 1983. 239 с.

¹⁰ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: «Канон», 1995. 352 с

¹¹ Parsons T. The problem of controlled institutional change // Essays in sociological theory NY Free Press, 1954. 459 p.

¹² Гидденс Э. Социология / науч. ред. В. А. Ядов; Общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича; [Пер. В. Малышенко и др.]. М.: «Эдиториал УРСС», 1999. 703 с.

¹³ Sorokin P.A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. – N.Y.: «Harper & bros», 1947. P. 39-42, 63-66, 132-144, 359-364, 367-379.

¹⁴ Вебер М. История хозяйства. Город: [пер. с нем.] / М.Вебер; Ин-т социологии РАН, Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, Центр фундам. социологии; [отв. ред.: Г. Э. Кучков, Н. Д. Саркитов]. – М.: «Канон-пресс-Ц: Кучково поле», 2001. 575 с.

характеристик можно выделить Е.В. Брызгалину¹⁵, Д.Н. Попова¹⁶, О.М. Ломако¹⁷, С.А. Храпова¹⁸, С.Е. Крючкову¹⁹, Д.Н. Суховскую²⁰, О.А. Береговую²¹.

В корпусе работ по социально-философским исследованиям образования можно выделить исследования институционального измерения, представленные трудами Е.В. Калюжиной²², Н.Н. Равочкина²³, О.Б. Истоминой²⁴, Д.Н. Попова²⁵, А.Ю. Топчего²⁶.

Вторая группа авторов представлена учеными, занимающимися исследованиями проблематики сетевого общества, процессов цифровизации и институциональности. К этой группе целесообразно отнести видных исследователей, среди которых: М. Кастельс²⁷, Б. Латур²⁸, Дж. Ло²⁹, Б. Уэллман³⁰,

---

¹⁵ Брызгалина Е.В. Будущее образования связано с гибридными формами // Информационно-аналитический журнал «МедиаТренды». 2021. № 6 (84). С. 4.

¹⁶ Попов Д.Н. Образование как институт формирования сознания и мышления (феноменологический подход): дисс. ...к-та филос. наук: 09.00.11. Ярославль, 2018. 128 с.

¹⁷ Ломако О. М. Генеалогия российского образования в социально-философской реконструкции // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2023. № 2(95). С. 58-62.

¹⁸ Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 17-26.

¹⁹ Крючкова С. Е., Храпов С.А. Современный университет в условиях цифровизации: поиск экзистенциально-аксиологической модели образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 68-77.

²⁰ Суховская Д. Н. Анализ образовательной среды и социальных условий обучения: кейсы университетов юга России // Kant. 2023. № 3. С. 243-251.

²¹ Береговая О.А. Философия образования в глобализирующемся мире: компаративный анализ: специальность 09.00.11 "Социальная философия": диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Береговая Оксана Александровна. – Архангельск, 2022. – 390 с.

²² Калюжина Е. В. Институциональные черты высшего образования и их эволюция с позиций концепции «трех волн» // Вестник КГУ. 2009. № 2. С.13-17.

²³ Равочкин Н.Н. Институт как объект социально-философского анализа // Грамота. 2019. Том 12. Выпуск 8. С.109-113.

²⁴ Истомина О. Б. Институт образования и современная социальная реальность: признаки и тенденции развития // Философия образования. 2023. Т. 23, № 1. С. 5-17.

²⁵ Попов Д. Н. Образование как институт формирования сознания и мышления (феноменологический подход): дисс. ...к-та филос. наук: 09.00.11. Ярославль, 2018. 128 с.

²⁶ Топчий А. Ю. Аксиологические основания непрерывного образования в современном российском обществе: социально-философский анализ: дисс. ...к-та филос. наук: 5.7.7. Москва, 2024. 170 с.

²⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.:ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Р. Коллинз³¹. Примечательны также и труды представителей реляционистско-конструктивистского направления, среди которых: Х. Уайт и Я. Фузе³², Э. Мише³³, Н. Кроссли³⁴, С. Фукс³⁵, Дж. Л. Мартин³⁶.

В современной отечественной социальной науке сетевая проблематика также представлена достаточно ярко и разнообразно. Здесь можем выделить труды В.И. Гладышева³⁷, А.В. Назарчука³⁸, С.Н. Хуторного³⁹, И.А. Быкова⁴⁰, Л.И. Евсеевой и О.Д. Шипуновой⁴¹.

Особенно весомым вкладом в изучение институциональной природы сетевого общества и процессов цифровизации является научная работа Саратовской социально-философской школы. Исследователи данной школы посвящают своё творчество широкому спектру социально-философских проблем:

²⁸ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: «Изд. дом Высшей школы экономики», 2014. 384 с.

²⁹ Law J., Singleton V. Performing technology's stories: On social constructivism, performance, and performativity // *Technology and Culture*. 2000. (4). Pp. 765-775.

³⁰ Wellman B. Network analysis: some basic principles // *Sociological Theory*. 1983. Vol. 1. Pp. 158-162.

³¹ Коллинз Р. Четыре социологических традиции / пер. Вадима Россмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 320 с.

³² White H.C., Fuhse J., Thiemann M., Buchholz L. Networks and meaning: Styles and switchings // *Soziale Systeme*. 2007. Vol. 13, no. 1-2. Pp. 534-555.

³³ Mische A. Relational Sociology, Culture, and Agency // *The Sage Handbook of Social Network Analysis* / J. Scott, P. Carrington (eds). London: «Sage», 2011. Pp. 80-97.

³⁴ Crossley N. A dependent structure of interdependence: Structure and agency in relational perspective // *Sociology*. 2021. vol. 56. no. 1. Pp. 166-182.

³⁵ Fuhse J. Theories of Social Networks. *The Oxford Handbook of Social Networks* // R. Light, J. Moody (eds). Oxford, Oxford University Press. 2020. Pp. 34-49.

³⁶ Lee M., Martin J.L. Doorway to the Dharma of Duality // *Poetics*. 2018. vol. 68. Pp. 18-30.

³⁷ Гладышев В. И. Человек в сети: одиночество и общение // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2022. № 4(34). С. 63-81.

³⁸ Назарчук А. В. Мультикультурализм в сетевом обществе // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012. № 1(107). С. 108-112.

³⁹ Хуторной С. Н. Киберпространство и становление сетевого общества: дисс. ... к-та филос. наук: 09.00.11. Воронеж, 2013. 166 с.

⁴⁰ Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дисс. ... д-ра полит. наук: 10.01.10. Санкт-Петербург, 2016. 322 с.

⁴¹ Евсеева Л. И. Трансформация образовательной среды в условиях сетевого общества / Л. И. Евсеева, О. Д. Шипунова // *Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IX Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 26-27 октября 2017 года.* – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2017. С. 109-115.

аксиологическим вопросам бытия человека в сетях, институциональным трансформациям общества под влиянием цифровизации, вопросам социальной мифологии в сетях, риск-тенденциям современного цифрового общества и т.д. Для данного исследования особую значимость труды следующих представителей школы: Д.А. Аникина⁴², Д.С. Артамонова⁴³, А.В. Иванова⁴⁴, М.О. Орлова⁴⁵, А.В. Рязанова⁴⁶, С.В. Тихоновой⁴⁷, В.Б. Устьянцева⁴⁸, О.Ф. Филимоновой⁴⁹, Е.В. Листвиной⁵⁰.

Объектом исследования выступает процесс институционализации образования в пространстве сетевого общества.

Предмет исследования – социально-философские основания становления института образования в пространстве сетевого общества.

Цель исследования – выявление стратегий институционализации образования в сетевом обществе.

Достижение данной цели реализуется посредством решения следующих исследовательских задач:

---

⁴² Аникин Д.А. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 1(53). С. 19-28.

⁴³ Артамонов Д.С. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 3. С. 234-239.

⁴⁴ Иванов А.В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 251-256.

⁴⁵ Орлов М.О. Особенности социализации человека в условиях глобализирующейся цивилизации // Вестник Омского университета. 2021. Т. 26, № 2. С. 79-82.

⁴⁶ Рязанов А. В. Цифровизация и повседневность // VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика»: Материалы международной научно-практической конференции, Саратов, 12 февраля 2021 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 240-244.

⁴⁷ Тихонова С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 138-152.

⁴⁸ Устьянцев В. Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций, Саратов, 28–29 сентября 2016 года / сборник научных трудов. – Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2017. С. 70-74.

⁴⁹ Филимонова О. Ф. Молодежь, образование, интеллектуализация труда: тенденции и противоречия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, № 1. С. 48-53.

⁵⁰ Листвина Е.В. Риски образовательного пространства // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1. С. 38-43.

1. Изучить сетевые направления исследований в современной социальной философии и возможности их применения.

2. Проанализировать процесс институционализации (на примере института образования) и выделить его этапы.

3. Провести анализ институциональных форм образования в условиях сетевого общества.

4. Определить варианты стратегий институционализации образования в сетевом обществе в условиях повышенной рискогенности.

Основные результаты исследования, определяющие его **новизну**, заключаются в следующем:

1. Обоснована теоретико-методологическая эффективность сетевого подхода для анализа институционализации образования. Так, концепция сетевого общества позволяет рассмотреть образовательное пространство как продукт деятельности различных субъектов общественного бытия. Акторно-сетевой подход, в свою очередь, позволяет учитывать технологический фактор в формировании сетевых отношений в образовательном пространстве.

2. Установлено, что процесс институционализации образования связан с формированием гибридного пространства, включающий в себя информационноёмкий топос и топос реального физического пространства.

3. Впервые представлена классификация институциональных форм образования в сетевом обществе. Выделены институционально устойчивые и подвижные формы образования, что позволяет сформировать полноценную исследовательскую картину разнообразия образовательных практик в сетевом социуме.

4. Предложены авторские стратегии институционализации образования в сетевом обществе: стратегии «сдерживания цифровизации», «тотальной цифровизации» и «гибридная стратегия».

Теоретическая и практическая значимость работы. Данное диссертационное исследование вносит вклад в развитие социально-философских и междисциплинарных исследований проблем институционализации образования

в условиях риск-динамики современного общества. Выявленные стратегии институционализации образования в сетевом обществе позволяют определить оптимальные сценарии укрепления суверенности отечественного образования и повышения стабильности его национальных институтов в условиях вызовов цифровизации.

Представленные в работе материалы и выводы могут быть использованы при оптимизации учебного пространства, а также при разработке специализированных курсов по проблематике социальной философии, цифрового общества, цифровой педагогики.

Методология и методы исследования. В ходе диссертационного исследования были использованы общенаучные методы, такие как: анализ, синтез, сравнение, дедукция. Это позволило посредством логических операций взглянуть на процесс институционализации в сетевом социуме с различных исследовательских сторон, разложить этот процесс на составные части, выделить различные компоненты становления института образования.

Свое применение в работе находят и совокупность научных подходов. Так, системный подход позволил взглянуть на институционализацию как целостное явление в социокультурной среде, включающее в себя ценностное измерение личности, многообразие форм социальных коммуникаций, а также технологическую составляющую общественной жизни. Благодаря структурно-функциональному подходу были исследованы трансформации образования как общественного института, который не только формирует и транслирует актуальные знания в социум, но и формирует новые познавательные и морально-этические горизонты общества. Свое применение находит и аксиологический подход, позволяющий отследить формирование новых ценностных ориентиров в процессе развития сетевых коммуникаций.

Методологическая основа исследования состоит из использования ресурсов институционального и сетевого подходов. Институциональное измерение раскрывается, преимущественно, на базе творчества известного ученого-институционалиста Дугласа Норта и его концепции института как «правил игры».

Сетевой анализ в диссертационном исследовании раскрывается в рамках двух традиций сетевых исследований: концепции «сетевого общества» Мануэля Кастельса и акторно-сетевого подхода Бруно Латура и Джона Ло.

Особое место в исследовании занимает также и обращение к топологии как к методологии философской исследования. Именно погружение процесса институционализации образования в социальное пространство сетевого социума позволяет определить тот общественный топос, который данный феномен занимает, а также его структуру и динамику.

Положения, выносимые на защиту:

1. Процесс институционализации образования в сетевом обществе нуждается в качественной социально-философской аналитике. Главным условием здесь выступает теоретико-методологический синтез различных подходов, позволяющий сформировать целостное видение процессов формирования новых форматов общественных отношений и образовательных практик, а также сделать прогноз относительно их развития в будущем. Обусловлена подобная сложность тем фактом, что в условиях сетевого социума процесс становления общественного института является многомерным феноменом, включающий в себя фундаментальные трансформации на онтологическом, аксиологическом и антропологическом уровнях.

2. Одним из ключевых аспектов институционализации образования выступает ее пространственный компонент. В условиях сетевого социума возникают два вида взаимосвязанных пространств. Первый из них – информационноёмкий топос, функционирующий благодаря внедрению цифровых технологий, использования новых цифровых инструментов для повышения качества образовательных практик. Второй топос связан с реальным физическим пространством и проявляется в расширении аудиторного фонда, развитии инфраструктуры, создании вычислительных центров. Два противоположных топоса вступают во взаимодействие, тем самым конструируя гибридную среду институционализации.

3. Многообразие образовательных практик в сетевом социуме приводит к возникновению двух институциональных форм образования. Институционально устойчивые формы образования являются исторически надежными структурами, обладают низким уровнем рискогенности, имеют четкую систему правового регулирования и институциональный контур. Слабоинституционализируемые формы образования, в свою очередь, имеют подвижные институциональные границы, подвержены высокой степени рискогенности, нацелены на коммерческий результат, а также находятся на стадии формирования собственных традиций и систем ценностей.

4. Стратегии институционализации образования в сетевом обществе напрямую связаны с процессом цифровизации социальных коммуникаций. Из предложенных стратегий наиболее перспективной и эффективной является «гибридная стратегия». Обусловлено это формированием таких моделей социального поведения, при которых цифровые ресурсы являются эффективным инструментом повышения эффективности образовательных практик, а главной целью образования становится пополнение человеческого капитала.

Степень достоверности и апробация результатов определяется всесторонним анализом научно-исследовательских работ по вопросам становления института образования в пространстве сетевого общества, подтверждается достижением цели исследования и решением поставленных задач в полном соответствии с заявленной в диссертации методологией, логикой исследования и обоснованностью выдвигаемых положений, обеспечивается использованием социально-философских исследований по заявленной проблематике, в том числе работ ведущих зарубежных и отечественных ученых в области исследований сетевого общества и проблем институционализации. Доказательством достоверности результатов служат последовательность и логическая связь теоретических положений, адекватность методов исследования и внимательное отношение к используемому понятийному аппарату; положения и выводы, сформулированные в диссертационной работе, обладают существенной научной новизной.

Основные положения и результаты диссертационного исследования были заслушаны на заседаниях кафедры теоретической и социальной философии СГУ имени Н.Г. Чернышевского, обсуждены на 10 научных конференциях различного уровня, а также нашли отражение в 7 научных публикациях, из которых 4 в журналах из Перечня российских рецензируемых научных изданий ВАК.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав (по два параграфа в каждой), заключения и списка литературы. Общий объём диссертации составляет 116 страниц.

Глава 1. Проблематика сетевого общества: теоретико-методологические основания

§ 1.1 Потенциал сетевого подхода в концепциях современной социальной философии

Современная социальная реальность обладает целым набором качественно новых черт, которые инициируют исследовательский поиск наиболее эффективные и подходящих методологических решений в своём исследовании. К таким характеристикам можно отнести пластичность, вариативность, рискогенность и непредсказуемость социального бытия в XXI веке. Это неудивительно, ведь те социальные фреймы и устоявшиеся социокультурные практики, которые в исторической ретроспективе зарекомендовали себя в качестве эффективных и надежных, трансформируются и подстраиваются под динамично изменяющуюся социальную среду. Усложняют ход исследования современного социума и деформируют само социальное пространство также и процессы, связанные с цифровизацией, информатизацией и глобализацией мира. Размышляя на эту тему, В.Б. Устьянцев в своей работе отмечает, что «необычная социальная конфигурация пространственных структур, вызванная информатизацией и виртуализацией общества, создает новую реальность. Быстрое распространение информационных сетей и телекоммуникаций расширяет и уплотняет информационное пространство социума»⁵¹. В данном случае следует говорить о многомерной как концептуальной, так и теоретико-методологической проблеме в современной науке, пути решения которой может обозначить социальная философия.

В связи с этим в рамках социально-философской рефлексии общественных явлений наблюдается необходимость в разработке и применении наиболее подходящей и гибкой методологической установки. Такого рода установка, с одной стороны, должна опираться на уже проверенные социально-философские

---

⁵¹ Устьянцев В. Б. Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. № 4. С. 403.

основания, установленные предыдущими исследователями, с другой же – вносить элемент чего-то нового, что поможет уловить динамичность, структурированность и взаимозависимость различного рода сфер общественной жизни человека. Здесь в качестве решения мы можем обратиться к концепции сетевого общества – современной социальной конфигурации, в пространстве которой фундирующим началом социального бытия является сеть.

Прежде чем говорить непосредственно о самом сетевом обществе, следует сказать о самом понятии «сети» как явлении в социокультурной жизни и мышлении человека вообще. Исторически сеть является непосредственным спутником различных форм деятельности человека, будь то это древние жреческие практики и первобытные общины или современное сложнейшее социальное проектирование и компьютерное моделирование. Непосредственно сама сеть является понятием чрезвычайно многомерным и полифункциональным. Сеть напрямую коррелирует с природой не только социального мира, внешней средой и человеческой деятельностью, но также и с человеческим мышлением. Вводя понятие сети в наш категориально-понятийный аппарат, человек пытается космизировать (т.е. структурировать, упорядочить) своё бытие, выстроить взаимоотношения различных сегментов реальности, создать систему ценностей и приоритетов. Размышляя на эту тему, один из классиков современной социальной теории Мануэль Кастельс пишет о том, что «сейчас имеет место широкое распространение сетей во всех сферах экономической и общественной жизни, они успешно конкурируют и во многом превосходят вертикально организованные корпорации и централизованные бюрократические структуры»⁵².

Сама сетевая структура является гибким и вариативным инструментом для того, чтобы «наложить» эту сеть на какое-либо явление нашей жизни. Однако, не уходя в утопическое мышление о сети, заметим, что сеть обладает и рядом недостатков. В той же работе М. Кастельс пишет: «На протяжении большей части истории человечества – в отличие от биологической эволюции – сети как

---

⁵² Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. С 13-14.

инструментарий посредничества уступали организациям, способным концентрировать ресурсы вокруг централизованно определяемых целей, достигавшихся в результате реализации задач на основе рационализированных вертикальных цепочек управления и контроля»⁵³. Однако с уверенностью можем заявить, что данные особенности сетевой структуры являются не только её недостатками, но и возможными областями для новых социально-философских исследований. В целом, сеть как некоторая модель различного рода отношений её элементов является потенциально эффективным инструментом для анализа множества феноменов бытия, в том числе – социальной жизни, ее специфики и развития.

Далее хотелось бы более точно обратиться непосредственно к концепции сетевого общества, одним из основоположников которой является уже упомянутый выше испанский философ Мануэльс Кастельс, один из ярчайших представителей современной социальной науки.

В его творчестве осуществляется концептуализация идеи сетевого общества (или общества информационного). Концепция самого сетевого социума возникает на фоне сложнейших глобальных процессов, связанных как и с информатизацией человеческого бытия, так и с глобальной технологической революцией, наблюдаемой в планетарном масштабе. Однако сразу необходимо заметить, что, как и любая научная концепция, сетевая концепция общественного развития имела свою предысторию и конкретные социальные, культурные и исторические предпосылки, обозначить которые нам видится необходимым для оформления более точного дискурса исследования.

Во-первых, нужно отметить, что новизна сетевого подхода в философских исследованиях обусловлена тем фактором, что сам термин «сеть» использовался в научном дискурсе сугубо лишь как метафора, как некоторое символическое отображение какой-либо структуры. Долгое время гуманитарии не могли заметить серьезный эпистемологический и теоретико-методологический потенциал в таком многомерном и необычном феномене как сеть.

---

⁵³ Там же. С. 14.

Справедливости ради стоит заметить, что величайшие классики социальной мысли зачастую в своём творчестве направляли свою мысль в сферу сетевой проблематики и сетевой организации социальных явлений. Здесь мы можем отметить творчество Эмиля Дюркгейма, чьи концепции дали толчок для структурно-функционального анализа общественных явлений. Рассуждая о других ученых, которые стояли в некотором смысле у истоков сетевой теории, можем сказать, что влияние «оказали «формальная» социология (Г.Зиммель), социальная антропология (Р. Радклиффа-Браун, Дж. Барнз, К. Митчелл), социометрия (Я. Морено), теория социального обмена (П. Блау, Р. Эмерсон) и теория социального капитала (П. Бурдьё, Дж. Коулмэн, Р. Бэрт)»⁵⁴.

Как можно заметить, спектр исследователей чрезвычайно широк, это и социологи, психологи, антропологи и философы. Однако в творчестве данных мыслителей напрямую не прослеживается концептуализация и оформление понятия сети в полноценную методологическую установку для описания многообразия феноменов социального бытия. Во-вторых, отметим, что отсутствие данного шага в научном сообществе может быть связано с целым комплексом причин, одна из которых – особенность конкретной эпохи, ее культурная и социальная специфика, которая не могла в данных условиях позволить уловить мощнейший потенциал сетевого подхода.

Однако по мере развития общества конца XX века, стал очевиден тот факт, что чрезвычайно быстрое и эффективное развитие информационно-коммуникационных технологий, сети Интернет и индустрии гаджетов, коренным образом меняют не только индивидуальное, но и социальное бытие человека. Те социальные трансформации, которые претерпевает общество под влиянием развития технологии, нуждаются в новых исследовательских подходах, в рамках которых социальные науки попытаются ухватить ускорение бытия общества и человеческих коммуникаций, а также качественно новые изменения социального пространства. Такого рода «новая коммуникационная система радикально

---

⁵⁴ Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 82.

трансформирует пространство и время, фундаментальные измерения человеческой жизни. Местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест»⁵⁵.

Иными словами, для человека стало понятным то, что общественное бытие претерпевает серьезные изменения. Меняется пространство (виртуальное, социальное), видоизменяется сам формат человеческих коммуникаций и отношений, выстраивается новая система ценностей и приоритетов. Сети кардинально меняют парадигму восприятия социальной реальности. О.Б. Давыдов так характеризует это: «Именно сети составляют новую социальную морфологию, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах развития процессов, связанных с экономикой, повседневной жизнью, политикой и культурой»⁵⁶.

Подобного рода чрезвычайно любопытные, однако не менее рискогенные и сложные социальные процессы, связанные со сферами организации общественных отношений на глобальном уровне, не могли остаться без внимания теоретиков социальной науки. Серьезной программой, в рамках которой стала бы возможной рефлексия вышеупомянутых процессов, стала концепция сетевого общества (информационного общества, *network society*) Мануэля Кастельса. Далее в рамках нашего исследования целесообразным является анализ сущностных оснований сетевого подхода в социальных науках.

Центральным сюжетом в творчестве данного мыслителя является утверждение о том, что человечество переживает период перехода к информационной эпохе, универсальной формой организации социального бытия которой является сеть. Исследователь пишет: «Вообще-то сети - это достаточно старые формы материализации человеческой деятельности, однако в наши дни

---

⁵⁵ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 353 с.

⁵⁶ Давыдов О.Б. Сетевое общество и его бытие // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 11. С. 3

они обрели новую жизнь в результате превращения их в информационные сети, объединенные Интернетом»⁵⁷. Однако для распространения сетевого принципа на тотальность социального бытия нужны серьезные причины и предпосылки, которые Кастельс видит в диалектическом объединении двух важнейших феноменов современного общества: капитализме и информационной революции.

Стоит заметить, что сам Кастельс усматривает сетевизацию в чрезвычайно широком диапазоне социальных и культурных явлений: общественные коммуникации, рынки труда, деятельность фирм и предприятий, международные политические связи и прочие социальные организации. В своей системе философ выделяет два важных момента в вопросе становления сетевого общества: способ производства и способ развития. Способ производства – это капитализм, который является неизменным и устоявшимся социальным институтом, предполагающий извлечение прибыли. К этому способу социальных отношений Кастельс прибавляет еще и второй элемент, именуемый способом развития. Здесь он имеет в виду информационализм или информациональный капитализм. Это вид капитализма, пришедший на смену предыдущему, индустриальному капитализму. Эпоха, развивающаяся за счет старого капитализма, изжила себя, теперь человечество живет в эру информационализма как главного двигателя социального развития. Здесь нельзя не отметить и аксиологическое измерение данных процессов, в рамках которого информация – это главная ценность и отправная точка для социальных преобразований, улучшения качества общественных отношений в целом.

Согласно Кастельсу, именно сеть, взамен строгой институциональной иерархии, структурирует социальное бытие современного общества. Иерархизация связана, прежде всего, с: 1) управлением из конкретного единоначалия; 2) властными отношениями подчинения и господства; 3) коммуникацией с целью легитимизации власти; 4) массовой, не интерактивной коммуникацией социума. В рамках же сетевой системы коммуникаций

---

⁵⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. С. 12.

реализуется и обретает своё бытие за счет координации усилий участников коммуникации. Именно сеть является такой структурой, в пространстве которой коммуникация – есть необходимое условия существования и функционирования в сети. В отличие от строгой иерархии, общение участников сети связано с интерактивным форматом коммуникации (открытость к критике, прозрачность диалога, возможность обратной связи). Структурная организация общества в соответствии со своей спецификой трансформирует и включающие в себя сферы. Исходя из этого, к примеру, «социальная сфера общества, основанная на сетевых структурах, сочетает высокий динамизм и открытость для инноваций с отсутствием риска потери сбалансированности. Таким образом, сетевое общество, функционирующее на основе информационно-коммуникативных технологий, становится наиболее релевантной организационной моделью»⁵⁸.

В обществе происходит формирование нового информационного порядка, в рамках которого сами потоки информации, распространяясь по сетям, оформляют контуры нового социального бытия. Информация в таких условиях не является чем-то аморфным и закостенелым. Она всегда обновляется, актуализируется, распространяется, сообщает о себе новые данные и соотносит их с уже устоявшимся набором социальных ценностей сообщества. Несмотря на то, что именно Кастельс заложил основы социально-философского осмысления феномена сети и его экстраполяции на общественное бытие, в его концепции сетевое общество представляет собой частный случай общества капитализма. Однако с поправкой на то, что на первый план выходит вышеупомянутый принцип информационализма.

Дальнейшие исследователи развивали философские основания феномена сети: ее специфику и сущность, диалектические связи узлов сетей, участников сетевых отношений. Иными словами, далее целесообразно обратить внимания на фундаментальный анализ бытия сети и возможности применения его потенциала в социально-философской науке. В глубинном философском осмыслении

---

⁵⁸ Серкина Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2. С. 168.

феномена сети есть важнейшая необходимость, по той причине, что «сетевое общество – принципиально новый тип социальности, несводимый просто к негативным характеристикам, типа «постиндустриальное общество» или «посткапиталистическое общество»⁵⁹.

Поскольку в данной работе концепция сетевого социума является смысловым бэкграундом для всего диссертационного исследования, целесообразно углубить теоретико-методологическое понимание сетевого общества, в частности – в сфере социальной онтологии.

Поскольку, как было отмечено выше, сеть представляет собой комплексное многомерное явление, оказывающее влияние на фундаментальные общественные категории, то логичным является заявление, что массовое распространение сетевого формата коммуникации трансформируют социальное пространство и время. Размышляя о специфике социального пространства сетевого общества, А.В. Назарчук пишет: «Традиционное представление о пространстве как об абстрактном расстоянии, т.е. через призму способности предмета преодолеть его за определенный отрезок времени, не может быть в сетевом контексте направляющим ориентиром, поскольку в современном контексте социальных перемещений сменились оси координат»⁶⁰. Получается, что для осмысления пространства в рамках сетевой парадигмы, нужны качественно новые концептуальные основания.

Ключом к пониманию сущности социального пространства сетевого общества является феномен коммуникации. Именно коммуникация становится элементом, определяющим условия взаимодействия между акторами, их включенность в общий сетевой дискурс, а также их топос в системе сетевых отношений. Фактически, скорость коммуникации между участниками сетевых отношений и формирует социальное пространство, очерчивая его смысловые границы. Физическая удаленность не способна уловить сиюминутность сетевой

---

⁵⁹ Трубицын О. К. Формирование теории сетевого общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2011. № 2. С. 50.

⁶⁰ Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 58.

коммуникации. В продолжение своей работы А.В. Назарчук пишет: «Удаление не может более осмысливаться «километрами», мерой локальностей. Иначе говоря, из опыта и практики движения и коммуникации в физически доступных пространствах нельзя сделать никакого вывода о физически недоступных пространствах»⁶¹.

Обращаясь же к наследию французской философии постмодернизма, стоит вспомнить творчество двух ярчайших представителей того времени – Жюлья Делёза и Феликса Гваттари. Хотя и напрямую творчество данных мыслителей нельзя отнести к одному из направлений сетевых методологий, однако сетевая проблематика в работах французских мыслителей наблюдается. И раскрывается она в рамках дискурса одной из наиболее популярных работ под названием «Ризома». Примечателен тот факт, что «эта работа была написана еще в 1970-е гг., но до поры оставалась вне сетевого дискурса, и лишь в последнее время началось ее переосмысление в качестве варианта теории сетевого общества»⁶².

Критикуя культуру иерархии и линейности в западноевропейской цивилизации, исследователи вводят понятие «ризомы» как децентрализованного и деиерархизированного принципа организации систем, способных к самостоятельному имманентному движению и репрезентации. Данный термин, пришедший в философию из ботаники, отлично вошел в терминологический дискурс науки. Говоря о свойствах такого рода систем, можем сказать, что «ризомы являются радикальной альтернативой замкнутым и статичным линейным структурам, которые в классической европейской культуре соотносятся с метафорой корня. Ризомы отвергают корневую организацию, представляя собой клубень, луковицу со скрытым стеблем, который может развиваться в любом направлении»⁶³.

---

⁶¹ Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 59

⁶² Назарчук А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 49

⁶³ Синельникова Л.Н. Ризомы и дискурс интермедальности // Russian Journal of Linguistics. №4. 2017. С. 807.

В концептуально-теоретическом смысле мы можем сказать, что «ризома является нецентрированной системой, неиерархической и незначающей. Она не начинается и не заканчивается, есть всегда в середине, между – бытие. Причем середина – это ни нечто среднее, а место, где вещи набирают скорость»⁶⁴. Концепт ризомы как инструмента описания специфики социального бытия способен фиксировать нелинейность, процессуальность, а также дискретность и континуальность пространства общественных коммуникаций. Именно концепт ризомы сущностно чрезвычайно близок к понятию сети, хоть и имеет некоторые серьезные отличия, главное из которых – наличие у сетевой структуры узлов. Ризома же, в свою очередь, представлена некоторым хаотичным соединением линий. Исходя из этого, в рамках сети мы можем говорить о статусе и месте конкретного узла, чего невозможно сделать в условиях ризоматического взаимодействия. Несмотря на наличие некоторой разности свойств сети и ризомы, именно анализ ризоматических оснований систем позволил, в том числе, взглянуть более широко и на феномен сети, а также на возможность его применения для описания общественных явлений. Говоря о ризоме в контексте образовательных практик, Д.Н. Суховская пишет, что «концепция ризоматического обучения, возникшая в конце XX века и базирующаяся на философских и дидактических идеях, в настоящее время считается одной из новых в философии образования, требующих дальнейшего исследования и сближения с образовательными практиками»⁶⁵.

Для точности текущего исследования заметим, что сам сетевой подход к исследованию социальных феноменов содержит в себе множество направлений и школ, которые с различных методологических позиций используют структуры сетей для исследования бытия общества.

---

⁶⁴ Лопатина К.В. Ризоматическое моделирование онтологического пространства // Омский научный вестник. 2009. № 6. С. 105.

⁶⁵ Суховская Д. Н. Теоретические основы ризоматического обучения // Образование России и актуальные вопросы современной науки: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20-21 мая 2024 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, Пензенский государственный университет. 2024. С. 436

Современным направлением, сторонники которого занимались анализом тех смысловых, социальных, культурных и образовательных деформаций современного общества, связанных с его информатизацией и цифровизацией, является акторно-сетевая теория. Несмотря на то, что и сетевой подход и акторно-сетевая методология имеет много схожих мест, АСТ обладает рядом специфических концептуальных черт.

Здесь можем отметить слова Г.К. Гобрусенко относительно того, что «среди второй группы концептуальных инициатив, представляющих для нас особый интерес, наиболее влиятельной на сегодняшний день является акторно-сетевая теория (actor-network theory, ANT), разработанная французскими социологами М. Каллоном и Б. Латуром, британским социологом Д. Ло и др.»⁶⁶. Мы понимаем, что в исследовательское поле АСТ входит множество вопросов, в том числе вопросы: взаимодействия актора и сетей, акторов между собой, внутренних процессов формирования социальных смыслов, соотношения человеческого и нечеловеческого в обществе и общественных процессах. В сущности, АСТ позволяет качественно изменить взгляд не только на социальные и культурные феномены, но и на мир в целом. Связано это с теми принципами исследовательскими приоритетами АСТ, в рамках которых и происходит изучение какого-либо предмета. Именно в данном смысловом поле, если делать предварительные замечания, и действует данный методологический подход.

По поводу этого А.С. Сивоконь пишет следующее: «В условиях изменяющегося мира наиболее остро чувствуется потребность в универсальной философско-методологической системе, которая сумела бы адекватно описать процессы, происходящие в современном обществе и принципы развития самого общества. Одной из таких систем может стать акторно-сетевая теория (ANT), разработанная Бруно Латуром и Мишелем Каллоном в 70-е годы XX в.»⁶⁷. Главная черта АСТ заключается в том, что в рамках данного направления

---

⁶⁶ Гобрусенко Г.К. Онтологии акторно-сетевой теории // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. №7. С. 38.

⁶⁷ Сивоконь А.С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2015. №1. С. 163.

исследователи говорят о социальной значимости не только живых участников общественного процесса, но и о важности предметного мира, который точно также формирует социальное бытие человека.

Следующим направлением в рамках сетевой теории можно отметить концепцию социальных сетей, одним из основателей которой является Барри Уэллман – профессор социологии университета Торонто в Канаде. В рамках этой концепции утверждается, что фундаментальным основанием информационно-коммуникационных технологий, современных цифровых и социальных коммуникаций является социальная сеть. К примеру, посредством сети Интернет современных человек значительно расширяет спектр людей и социальных институтов, с которыми он вступает в коммуникацию.

Уэллман в своей исследовательской деятельности анализирует бытие сообщества стран Канады, Латинской Америки, Европы и Азии. Ученый приходит к выводу о том, что одним из центральных мест в концепте социальные сети является понятие общности. Однако необходимо отметить, что современные общности, в отличие от архаичных, имеют ряд специфических сетевых черт: децентрализованную структуру, деиерархизацию, размытость границ и другие. Наиболее важен здесь факт не пространственной близости участников конкретной общности, а их взаимосвязь и взаимозависимость (или то, что они делают друг для друга). По этой причине фундаментальность такого рода общностей незаметна для общественного бытия, ведь в рамках классической социальной науки само понятие общности связано в основном с реальной пространственной близостью людей. Здесь же коммуникация носит глубинный, надрегиональный характер. Говоря же о конкретном индивидууме сетей, Уэллман отмечает, что человек – это не только своего рода эго-сеть, но и носитель чувства общности. Именно это чувство двигает человеком в сфере развития своих компетенций, навыков и умений, направленных на развитие сети, где сам субъект пребывает.

По итогу, говоря о сетевом характере современного общества и социальных институтов, в рамках данной концепции можно отметить, что: 1) современные

мире люди состоят в группах, которые имеют надпространственный характер, что обусловлено развитием новых коммуникативных средств; 2) общности людей также начали носить серьезный коммуникативный и социализирующий характер, которые недетерминированы территорией.

Заключительным важнейшим направлением в сетевой теории является концепция интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза. В своих исследованиях ученый анализирует интеллектуальную традицию западных и восточных культур, составляет своего рода сетевые карты наиболее влиятельных мыслителей конкретных эпох, а также изучают структуру различных факторов, имеющих влияние на творчество философов. О.Н. Левшина в своей статье пишет, что «по мнению Коллинза, ни один мыслитель не творит в одиночестве. Сначала он был чьим-то учеником, затем вступал в контакт с коллегами через свои работы. Таким образом, даже самый замкнутый мыслитель является элементом интеллектуальной сети»⁶⁸.

Именно в рамках интеллектуальных сетей и происходит то, что называется научным творчеством. В противовес мнению, что ученый связан с путём человека-одиночки, который пытается установить закономерности в сложном мире, Коллинз утверждает, что именно сети – важнейшее условие формирования научного знания. Новые научные идеи формируются не в головах конкретных мыслителей, а в пространстве интеллектуальных сетей. По итогу мы имеем тот факт, что ученый – это не изолированный субъект, а один из участников сложных систем, в пространстве которых действуют множество элементов данного рода коммуникаций.

Среди важнейших функций интеллектуальных сетей можно выделить: 1) накопление социокультурного капитала и генерирование новых научных идей; 2) трансляция и передача опыта человечества от поколения к поколению; 3) обмен идеями и мнениями среди участников социальных коммуникаций. Сам же Коллинз, в свою очередь, выделяет два типа коммуникаций в пространстве

---

⁶⁸ Левшина О.Н. Преподавание наук о культуре в свете теории интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. №18. С. 74.

интеллектуальных сетей. Первая из них – вертикальная, связанная с передачей знания людей, социокультурного опыта для дальнейших поколений. Второй тип коммуникаций – горизонтальная, которая связана с взаимодействием с людьми из схожим социальных страт, с конфликтом мнений и конкуренцией. Все эти взаимодействия и образуют интеллектуальную карту, которые описывают творчество мыслителей различных эпох. Необходимо заметить, что «в концепции Коллинза культура представляет собой огромное смысловое поле, покрытое множеством интеллектуальных сетей – объединений деятелей культуры, которые постоянно видоизменяются и усложняются. Одной из важнейших функций интеллектуальных сетей является сохранение культурного наследия»⁶⁹.

В целом, концепция интеллектуальных сетей Коллинза представляет собой новый взгляд на процесс формирования научного знания и философских систем. Именно в рамках данного подхода всякая интеллектуальная система может рассматриваться как открытая система, результаты деятельности которой видятся учеными не как нечто замкнутое и закрытое, а как коммуникативное пространство взаимодействия людей, вещей и социокультурных компонентов социального бытия.

В качестве еще одного направления сетевой теории необходимо отметить также и творчество американского социолога Марка Грановеттера, концепцию которого можно обозначить как «сила слабых связей». В своей одноимённой статье ученый проводит аналитику взаимодействия участников общественных процессов на различных уровнях его бытия. Грановеттер задаётся вопросом о соотношении микро и макроуровней социальных взаимодействий в обществе. Утверждается, что при всём изобилии макротеорий социальной реальности, остаётся серьезная исследовательская проблема относительно взаимосвязи и взаимообусловленности между коммуникациями микро и макро-уровней. Автор утверждает, что «в большинстве случаев от нас всё же ускользает понимание того, как взаимодействие в малых группах приводит к формированию

---

⁶⁹ Левшина О.Н. Преподавание наук о культуре в свете теории интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2008. №18. С. 76.

макроструктуры»⁷⁰. Сильные связи, как пишет ученый, возникают между людьми, с которыми мы проводим большое количество времени, у которых есть общие с нами интересы, ценности, жизненные ориентиры. Иными словами, формируется прочный круг взаимодействия с людьми, которые тесно связаны с нашей жизнью и различными конкретными ее сферами: работа, учеба, хобби, родственные связи.

В свою очередь, к слабым связям относится тот круг людей, с которыми у нас не сложились надежные и устойчивые отношения ввиду различных причин: территориальной удаленности, разногласий в мировоззрении, конфликтов. К таким людям мы можем отнести бывших коллег по работе, сослуживцев, товарищей по спортивной команде из детства. С такими людьми мы не имеем стабильного и полноценного общения, находясь лишь на уровне знакомых и не более. Однако, роль слабых связей чрезвычайно велика в условиях современного социального бытия.

Если в пространстве сильных связей люди объединены общими ценностями, нормами и взглядами, то в рамках слабых связей мнения и взгляды отличаются. Сильные связи детерминируют единство своего рода информационного поля участников данных коммуникаций. Наибольшую социальную мобильность, по мнению Грановеттера, человек достигает посредством взаимодействия именно через слабые связи. В статье ученого находим, что «слабые связи с большей вероятностью соединяют членов различных малых групп, чем сильные; последние, как правило, сосредоточены внутри отдельных групп»⁷¹. Низкая социальная мобильность обусловлена тем фактором, что в рамках сильных (тесных) связей человек получает информацию, которая мало чем отличается от той, которой он уже обладает на данный момент.

В свою очередь, дискурс же слабых сетей напрямую пополняет социальный капитал человека: обогащает его информацией, совершенствует его речь, развивает критическое и аналитическое мышление. Можем сказать, что «именно слабые связи могут принести новое, а сильные локальные связи в основном

---

⁷⁰ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. №4. С. 31.

⁷¹ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. №4. С. 45.

рутинны...Это связано с тем, что через сильные связи люди делятся ограниченным объемом информационных данных или ресурсов, т. е. сильные связи информационно избыточны, а следовательно, они гораздо менее действенны для решения жизненно важных проблем»⁷². В общении с представителями идёт постоянное обновление информации, возникает необходимость более точной и четкой формулировки мыслей с целью быть правильно понятым собеседником.

Конечно, нельзя утверждать, что все слабые сети – это надежный инструмент социальной мобильности, а все сильные связи являются заостренным и неактуальным элементом социальной жизни человека. Однако, как показывает практика современного социального бытия, человек двадцать первого века нуждается в постоянном расширении круга своих коммуникации. Это продиктовано не только желанием индивидуальными желаниями занять более комфортное место в жизни, но и текущими общественными реалиями, которые ежедневно обновляют «правила» социальной игры для людей.

Обозначив основные направления сетевой теории, необходимо далее в рамках данного исследования обозначить потенциал сетевого подхода в социально-философской науке. Во-первых, стоит заметить, что природа сетевого подхода позволяет расширить границы эпистемологического потенциала социальной философии. Речь идёт о том, что в нынешних социальных реалиях особую исследовательскую ценность представляет не только субъект социального бытия, но и его отношения (и их характер) с другими участниками общественного процесса: социальными институтами, группами, отдельными индивидуумами, элитой и массами. Расширяет также сеть и диапазон исследовательских областей социально-философской науки. Ведь сеть сама по себе – структура универсальная и пластичная, что позволяет экстраполировать её структурные основания на большинство социальных феноменов. Здесь можно говорить об исследовании

---

⁷² Куркина Е.С., Князева Е.Н. Методология сетевого анализа социальных структур // Философия науки и техники. 2017. №2. С. 132.

социальных институтов, участников общественного процесса, их этических и аксиологических ориентациях.

Получается, что сама сетевая теория превращается в своего рода «метатеорию», дескриптивный потенциал которой чрезвычайно велик. Дополнительно нужно отметить, что сам сетевой подход обладает свойствами сети, что означает её концептуальную и методологическую открытость к другим исследовательским программам и установкам. Иными словами, сетевой подход может быть дополнен и другими методологическими установками. Ю.Л. Баньковская на эту тему в своей работе о сетевой методологии исследования отмечает, что «использование ее потенциала позволит рассмотреть сложные социальные процессы, выявить специфику социальных взаимоотношений. Отличительным признаком сетевого подхода является рассмотрение широкого круга структур, функционирующих на микро- и макроуровнях»⁷³.

Во-вторых, пластичность и универсальность сетевого подхода позволяют рассмотреть общественные явления независимо от их территориальной и хронологической удалённости. К примеру, в рамках сетевой методологии можно рассматривать не только современные информационно-коммуникационные технологии и их корреляцию с социальным поведением субъекта, но и совершенно далёкие от нашей современности исследовательские области – будь то это Средневековая культура университетского образования или мифотворчество в Древней Греции. В качестве методологического принципа сеть видится нам как наиболее оптимальное решение с целью улавливания динамичности, противоречивости, изменчивости и рискогенности общественного бытия. Пластичность сетей обусловлена интерактивной коммуникацией участников сетевых взаимодействий, что позволяет составить полноценную картинку бытия конкретного социального явления. Помимо этого, важным фактом, наблюдаемым в природе сети, является корреляции свойств пластичности и прозрачности. Здесь мы имеем в виду то, что сетевой дискурс, в отличие от

---

⁷³ Баньковская Ю.Л. Сетевой подход как методология исследования социальных конфликтов и рисков современной цивилизации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2022. № 4. С. 45.

прочих структур, существует в условиях прозрачности процедур, протекающих изнутри. Сеть не может закрыться от окружающей среды и от инициатив акторов. В обратном случае, сеть превращается в квази-структуру, не способную актуализировать информацию, транслировать её другим участникам сети, подстраивать сетевой дискурс под динамичные условия социальной реальности.

В-третьих, сам сетевой подход можно сущностно группировать на микро и макро-сетевой анализ. Это является серьезным преимуществом по той причине, что в первом случае подход позволяет рассмотреть человека как эго-сеть и изучить его отношения с другими участниками общественной жизни, проложить своего рода сетевые маршруты конкретного субъекта. Во втором же случае мы имеем дело с описанием всей сетевой системы, конструируя полную картину предмета нашего исследования. Такое балансирование между частным и общим позволяет концепции сетевых взаимодействий сделать акцент не только на общих сетевых принципах организации, но и на индивидуальном бытии акторов сети.

Дополнительно необходимо сказать, что сетевая методология качественно вписывается в дискурс современных гуманитарных и социальных наук. Последние десятилетия наблюдается своего рода коммуникативный поворот, который ознаменован особым акцентом ученых на содержательной стороне формата взаимодействий участников общественного процесса. В центре многих социальных концепций стоит проблема коммуникации как важнейшего условия бытия социума и его развития. В условиях сетевого подхода коммуникация точно также занимает главенствующее место. Будучи коммуникацией интерактивной, она позволяет выстроить качественный диалог или полилог между всеми участниками коммуникации, что способствует формированию единого дискурса сетей.

Безусловным преимуществом сетевой теории в социально-философской науке является тот факт, что в категориально-понятийную базу данных направлений исследования входят понятия сетевой культуры и сетевой логики. Два данных понятия являются фундаментальными для исследования специфики того, как функционирует сеть современных социальных отношений, как работает

система распределения ролей акторов, в чем специфика их общественного бытия. Тут примечательны слова о том, что «новые сетевые практики, как виртуальные аналоги традиционных социальных практик, меняют все ключевые сферы общества в современности: экономику, политику, финансы, образование, масс-медиа, искусство, общение, досуг, организацию быта и т.д.»⁷⁴.

Сетевая культура – это совокупность символических форм, позволяющих объединить всех участников сетевой структуры в единый дискурс и в общее коммуникативное пространство. Такие объединяющим элементом могут выступать многие феномены социокультурной жизни человека: язык, религия, право, ценности, политические взгляды. Главное здесь – объединение участников в единое смысловое поле. Именно консолидация потенциалов субъектов является необходимым условием эффективного функционирования сетевой структуры.

Говоря о сетевой логике, мы говорим, прежде всего, о процедуре включения и выключения актора в сетевую структуру. Главный механизм расширения сети социального взаимодействия базируется на преумножении количества узлов в социальной сети (то есть акторов, которые вписываются в символический дискурс сети, а также соответствуют её функциональному запросу).

Однако для точности и прозрачности исследования необходимо заметить, что, как и любая методологическая установка, наряду со своими преимуществами, она обладает также и недостатками. Сеть, как уже было установлено, не имеет четких границ и контуров, что является одновременно и её серьезным недостатком. Изучая какой-либо социальный феномен, существует риск методологически «наложить» сеть на феномен, который может быть схож на предмет нашего исследования, однако им вовсе не являться. Такого рода сближения размывают объект изучения и делают социальные исследования крайне проблематичными. Иными словами, можем сказать, что сеть по своей сути – это продукт социально-конструктивистского мышления человека, и является некоторой моделью когнитивного уровня. Это означает, что, как и в случае с

---

⁷⁴ Саяпин В.О. Сетевое общество как матрица современной структуры социальной виртуальности // Манускрипт. 2016. №. 1 (63). С. 146.

любим конструктом, существует риск «сетевизации» такого общественного явления, которое на уровне сознания соответствует критериям сети, но сущностно сетью не является.

Помимо этого, также нельзя не сказать, что сетевые концепции – явление в социально-философской науке крайне сложное и многомерное. Сложность сетевого восприятия обусловлена целым комплексом факторов, которые не могут быть сведены к конкретной детерминанте. Как явление комплексное сеть связана с целым рядом аспектов человеческого мышления: когнитивным, образным, социокультурным, символическим и др. Сетевизация мышления человека невозможно свести к сугубо технологической части, объяснив данный феномен с позиции развития IT-технологий, которые структурно базируется на основе сетей. Сетевое мышление напрямую связано с природой человек, с попытками людей структурировать реальность в гибкие системы, которое могут трансформироваться, взаимодействовать с другими сетями, актуализировать саму себя. На эту тему Е.А. Шенцева в своей работе пишет о двух способах восприятия сетевого сознания: «первый (рассмотренный посредством сопоставления феноменов сеть и общение) заключается в укорененности сетевой проблематики в сути человеческого бытия, второй – в возможности продуктивного использования понятия сеть в качестве метода теоретического описания, актуализировавшегося в эпоху информационно-технологических достижений современности»⁷⁵.

Иными словами, человек наблюдает как общество и как он сам, в частности, трансформируются в тех измерениях, которые формируют современное информационное общество. Не последнее место здесь занимает уровень антропологический, находящий своё проявление в смене аксиологических ориентаций субъекта, в переосмыслении картины мира, а также на уровне символического и коммуникативного измерений человеческого бытия. Люди становятся акторами многих макро и микро-сетей, находящихся в постоянном обновлении и модернизации. На эту тему О.Б. Давыдов пишет: «Социальное

---

⁷⁵ Шенцева Е.А. Сетевой подход: истоки и перспективы //Идеи и идеалы. 2012. №2. С. 56.

действие в сетевом обществе разворачивается в симультанных пространствах и развивается в упорядоченных сетевым образом локальностях»⁷⁶.

Таким образом, в заключение мы можем сказать следующее. Сложнейшие социальные, культурные, политические и технологические процессы, которыми была ознаменована жизнь второй половины XX века, не могли пройти мимо сообщества людей, занимающихся исследованиями в сфере социальных наук. Мануэль Кастельс в своём *Magnum opus* пишет следующее: «Поскольку революция в информационной технологии охватывает всю область человеческой деятельности, именно она будет моим отправным пунктом в анализе сложностей становления новой экономики, общества и культуры»⁷⁷. Это закономерное умозаключение, ведь развитие технологии влияет не только на материальную сторону жизнь человека. Технологии формируют новые социальные бытие, ускоряют процесс социальных коммуникаций, генерируют социальные ценности нового поколения. Иными словами, процессы цифровизации, информатизации и технологизации современного социума выдвигают на передний план концепцию сетевого общества, в рамках которой появляется возможность для качественной социально-философской рефлексии этих рискогенных процессов.

Именно развитие сетевого подхода в современных социальных науках стало ответом на вызов современности, который ознаменован, прежде всего, кризисом методологических программ социальных наук. Именно в пространстве сетевого социума на первый план выходят не атрибутивные свойства субъекта, а его отношения и коммуникация с другими участниками общественного процесса. В условиях сетевизации социального пространства качественно трансформируются и фундаментальные социальные институты. Один из важнейших институтов – образование, которое нуждается в последовательных преобразованиях, а если быть точнее, в рациональной и постепенной институционализации с учетом специфики сетевого социума. Проанализировать процесс институционализации

---

⁷⁶ Давыдов О.Б. Сетевое общество и его бытие // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 11 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-obschestvo-i-ego-bytie> (дата обращения: 27.01.2023).

⁷⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 28

образования в сетевом обществе на теоретическом уровне, исследовать его концептуальные основания видится целесообразным в следующем параграфе текущего исследования.

1.2 Теоретические основания институционализации образования

Человеческие отношения в обществе являются чрезвычайно разнообразным и сложным явлением для исследований в социальных науках. В исторической ретроспективе мы замечаем, как динамично и многомерно отношения людей развиваются в различных сферах: социальной, политической, культурной, религиозной, бытовой. По мере «взросления» цивилизации наблюдается переход от примитивной жизни человека к более сложному, дифференцированному, и от этого еще более противоречивому социальному бытию. Производство сменяет собирательство, а развивающиеся технологии, в свою очередь, трансформируют бытие участников общественных процессов как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях.

Анализ и изучение конкретных социальных отношений условно можно разделить на два фундаментальных уровня: ценностный и институциональный. Говоря о первом из них, мы учитываем субъективное измерение социального явления. На передний план выходит аутентичность мировоззренческих ориентаций участников социальных отношений, их ценности, этические модели, системы духовно-нравственных приоритетов. Иными словами, исследовательский акцент делается на самобытности субъекта, который способен самостоятельно принимать решение, выносить оценочное суждение, взаимодействовать с другими людьми. Помимо этого, ценностный аспект отношений напрямую связан и с эмоциональной стороной человеческих отношений, которая, зачастую, вынуждает людей совершать иррациональные и аморальные поступки. Следует сказать, что «в однотипных ситуациях межличностного взаимодействия люди могут принимать совершенно различные решения и это можно объяснить тем, что и сами ситуации люди воспринимают совершенно отлично друг от друга. Каждая

ситуация воспринимается личностью через его собственные переживания, через предыдущий опыт»⁷⁸.

Второй же уровень, именуемый институциональным, связан с другой стороной человеческих отношений. Анализируя социальный кейс с позиции институционального подхода, мы обращаем внимание на те измерения человеческих отношений, которые уже устоялись и оформились в долгосрочной перспективе в качестве отдельно взятого социального института. В отличие от ценностного, данный подход анализирует своего рода социальную нормативность, сложившуюся в сообществе. Необходимо сказать, что «согласно теории Д. Норта институты создаются людьми. Соответственно, человек эволюционируя, изменяет и институты, значит, формирование института должно начинаться с индивида»⁷⁹.

Сам термин «социальный институт» мы будем понимать в рамках концепции вышеупомянутого Дугласа Норта – одного из теоретиков институциональной методологии. В своей работе автор пишет: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»⁸⁰. В процессе исторического развития человеческой цивилизации возникали очень многие социальные институты, которые задавали те самые рамки нормативности отношений людей, придавали этим взаимодействиям устойчивый формальный характер. В продолжение Норт пишет: «Главная роль, которую институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми. Но устойчивость институтов ни в коей мере не противоречит тому факту, что они претерпевают изменения»⁸¹. Иными словами,

---

⁷⁸ Кузнецова Ю.Н. Ценности и их роль в принятии решений // Казанский педагогический журнал. 2014. № 4. С. 157.

⁷⁹ Лозовая И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты // Территория науки. 2016. № 4. С. 99.

⁸⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

⁸¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 21.

можем сказать, что сами институты являются весьма пластичными структурами, которые способны подстраиваться под изменяющиеся условия социального бытия.

К примеру, если говорить о научном сообществе, следует сказать, что институционализация сообщества ученых происходит на основе формирования круга заинтересованных людей, занимающихся исследованиями. Данный процесс ознаменован переходом от сообщества любителей, к устоявшемуся, формально закрепленному сообществу ученых, деятельность и отношения которых регламентированы традициями, нормативно-правовыми актами, ценностями и устоями научной среды. Здесь примечательны слова Н.П. Сухановой о том, что «институционализация науки предполагает развитие современной системы знаний, формирование научных институтов и организаций, создание научных обществ, обязательное наличие коммуникаций в научном сообществе. Институционализация невозможна без поддержания системы корпоративных социальных связей и дальнейшей профессионализации»⁸². Получается, что институционализация представляет собой процесс комплексный: с одной стороны, она связана с учреждением организаций и структур, регулирующих конкретную сферу деятельности, с другой же – с систематизацией и регламентацией человеческих отношений в конкретном сообществе.

В данном параграфе предлагается провести социально-философский анализ процесса институционализации образования. Образование является одним из центральных институтов для социального бытия человека. Именно образование является важнейшей многомерной структурой общества: оно включается в себя как аксиологическое, так и коммуникативное и институциональное измерения. В данном исследовании чрезвычайно важным является рассмотрение процесса институционализации образования: какие этапы он включает, какие подпроцессы в себе содержит и к каким концептуальным основаниям данный процесс приходит.

---

⁸² Суханова Н. П. Институционализация науки в России: золотой XIX век // Вестник Омского университета. 2019. №4. С. 94.

Примечательна здесь мысль П. Бергера и Н. Лукмана – двух представителей современной социальной науки. В своей работе авторы пишут: «Сказать, что часть человеческой деятельности была институционализована, – уже значит сказать, что часть человеческой деятельности была подвергнута социальному контролю»⁸³. То есть, институционализация создаёт четкие очертания нормативности социального поведения индивида, в рамках которого возможен рациональный общественный дискурс. Однако стоит заметить, что подходов к процессу непосредственному становлению и функционированию социального института, то есть к институционализации, есть несколько.

Необходимо выделить широкий спектр исследователей, которые по-разному смотрели на природу этого процесса и выделяли разные главенствующие в нём элементы на том или ином уровне. Целесообразно выделить уже признанных ученых-классиков, которые в той или иной степени в своём творчестве осмыслили институциональное измерение общественного бытия. Среди них Огюст Конт, Герберт Спенсер, Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер. А также и представители современной социальной философии: Томас Лукман, Питер Бергер, Толкотт Парсонс. Разумеется, список мыслителей здесь далеко не заканчивается, но в этом исследовании мы бы хотели бы остановиться на вышеобозначенных мыслителях, творчество которых, в совокупности, позволит составить картину исследования институциональных начал образования. Дополнительно стоит сказать о том, что «В работах отечественных и зарубежных исследователей представлены различные, порой кардинально противоположные подходы к пониманию сущности общественного института. Отсутствие единого универсального подхода обусловлено сложностью и противоречивостью феномена института»⁸⁴. Однако обозначение основных и институциональных концепций в рамках данного исследования является необходимым этапом.

---

⁸³ Бергер П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 93.

⁸⁴ Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н., Щенников В.П., Рахинский Д.В. Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. социологические и философские подходы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. №. 2 (30). 2021. С. 145.

В творчестве Огюста Конта мы находим одни из первых интенций, направленные на осмысление роли и функциям социального института. Примечательны слова М.М. Юсуфова, о том, что «институциональный подход О. Конта к изучению социальных явлений вытекал из философии позитивного метода, когда одним из объектов анализа социолога выступал механизм обеспечения в обществе солидарности и согласия»⁸⁵. Институциональный порядок, по Конту, вписывается в дискурс социальной статике общественной жизни. Здесь социальные институты являются необходимыми структурными элементами социальных отношений людей. Институты не только создают фундамент общества, но также и они обладают четкими связями с другими явлениями в социуме. В продолжение М.М. Юсуфов отмечает: «Социальная статика О. Конта опиралась на положение о том, что институты, верования и моральные ценности общества функционально взаимосвязаны и объяснение любого социального явления в этой целостности подразумевает нахождение и описание закономерностей его взаимодействия с другими явлениями»⁸⁶. Сам Конт выделял несколько видов социальных институтов, но самыми важными он считал институты семьи, религии, государства. Таким образом, Конт, будучи человеком консервативных взглядов, определял социальный институт как условие существования социального порядка, а также поддержания в обществе настроений социальной солидарности.

Другим учёным, осмысляющим проблемы социальных институтов, стал один из родоначальников органического подхода в социальной науке, Герберт Спенсер. В целом, продолжая линию Конта, Спенсеру всё-таки удаётся внести нечто инновационное в осмыслении институтов социума их бытия. Новизна подхода английского мыслителя заключается в распространении биологических принципов функционирования организма на социальную жизнь человека. Так, по Спенсеру, социальные институты являются своего рода «органами» социального тела, каждый из которых выполняет свои функции. Для нормального

---

⁸⁵ Юсуфов М.М. Концептуализация понятия «Социальный институт» в современной социологии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. №4. С. 162.

⁸⁶ Там же. С. 162.

функционирования организма каждый из институтов (органов) должен четко выполнять свои функции. Здесь Спенсер выделяет следующую классификацию социальных институтов: производительная, распределительная, регулятивная. По данному принципу мыслитель находит реальному социальному институту какую-либо аналогию, соответствующую органу в человеческом организме.

В работах Эмиля Дюркгейма, являющимся одним из основателей структурно-функционального анализа в социологии, можем также наблюдать размышления о роли и сущности социальных институтов. Дюркгейм является создателем принципа социологизма, то есть такого методологического подхода, который провозглашает объяснение социального только через социальное, а также невозможность сведения общественных явлений к какому-либо фактору (психологическому, физическому, биологическому). В рамках его концепции термин «социальный институт» обладает очень широким спектром значений. Сам социальный институт здесь напрямую связан с категорией социального факта, на базе которого строится вся система французского мыслителя. Социальный факт в рамках данной системы рождается на пересечении социальной деятельности двух и более акторов. В свою очередь, в результате такой коммуникации возникает нечто новое.

Главная цель социального института, по Дюркгейму, структурирование четкой социальной системы, являющейся основой для любых общественных отношений. Особую роль здесь исследователь выделяет институтам морали, религии, права.

В творчестве Макса Вебера также можно найти мысли, посвященные роли и значимости социального института в бытии общества. В центре всей социологической концепции Макса Вебер лежит понятия «социального действия», которое является отправной точкой мыслителя для дальнейших размышлений об общественном бытии. На эту тему В.Ф. Горохов утверждает: «Теория социального действия относится к числу тех научных достижений, которые не просто имели выдающееся значение для социологической науки, но и стали поворотной вехой в её фундаментальных приоритетах. Принято считать,

что она положила начало новой социологической парадигме»⁸⁷. Данное высказывание является абсолютно справедливым и значимым по той причине, что именно категория социального действия позволила исследователям социальной жизни человека сделать акцент на субъективной стороне общественных отношений. Помимо этого, учитывать специфику человеческой природы, которая содержит в себе чрезвычайно много факторов, связанных с жизненным миром субъекта, с его ценностными и моральными системами координат.

В своей классификации социального действия исследователь выделяет действие:

1) целерациональное (достижение цели – это главная ценность поступка, моральный дискурс может быть исключен);

2) ценностно-рациональное (поступок, ориентированный на ценностное измерение личности субъекта);

3) аффективное (связано с бессознательным человека, с его эмоциями и реакциями на определенные раздражители);

4) традиционное (базируется на устоявшихся в сообществе социокультурных практиках, находящихся в историческом дискурсе).

Исходя из данной социально-философской системы, наблюдаем дальнейший логичный вывод Макса Вебера. Социальный институт рождается в коммуникативном пространстве совместной деятельности людей, в той своеобразной точке общественных отношений, где социальные мотивы субъектов сходятся и образуют единый дискурс социального бытия.

Говоря уже о современности, начать мы бы хотели с центральных исследователей немецкой научной школы. Если обращаться более подробно к уже упомянутым выше П. Бергеру и Н. Лукману, то можно отметить, что в рамках их концепции мы погружаемся в дискурс социально-конструктивистского мышления, которое, разумеется, будет и распространяться на понимания бытия институционализации. Заметим, что «подход, сформулированный Лукманом и

---

⁸⁷ Горохов В.Ф. Социальное действие: структура и типы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. №9-2. С. 190.

Бергером, – и это необходимо подчеркнуть – отличается не столько теоретико-методологической новизной, сколько попыткой новой компоновки крупных достижений немецких и американских социологов, теории которых в силу различных причин не учитывались в качестве релевантных в социологическом дискурсе второй половины 60-х гг. XX в.»⁸⁸. Для данных исследователей процесс институционализации напрямую связан с категорией социального порядка, которая является необходимой базой для общественного бытия в целом.

Здесь процесс институционализации включается в себя три подпроцесса, которые находятся в концептуальной связи и представлены в четкой хронологической последовательности. Ученые обозначают следующие этапы: типизация, объективизация, легитимация. Дополнительно стоит отметить, что предшествует процессу институционализации, по Бергеру и Лукману, процесс хабитуализации. Именно такого рода «опривычивание» поведения придаёт процессу становления общественного института социальные основания. В главной работе авторов находим: «Всякая человеческая деятельность подвергается хабитуализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом, впоследствии оно может быть воспроизведено с экономией усилий и *ipso facto* осознано как образец его исполнителем»⁸⁹. Для хабитуализации характера экономия сил для реализации конкретного действия, а также минимизация вариантов паттерна альтернативного социального поведения.

Говорить о первых проявлениях социального института мы можем, начиная с этапа типизации, который связан с опривычиванием действий людей различного рода. Здесь можем сказать, что «институт исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа X.»⁹⁰. Далее авторы

---

⁸⁸ Островская-Младшая Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. №. 4-5. С. 115.

⁸⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С.37.

⁹⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 39.

отмечают следующий факт: «В общем, все повторяющиеся действия становятся в некоторой степени привычными, так же как все действия, которые наблюдает другой, обязательно включают некую типизацию с его стороны»⁹¹. Здесь дополнительно стоит сказать о том, что «Лукман и Бергер особо подчеркивают, что зачатки институционализации содержатся в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-либо время. Однако историчность социального порядка, т.е. его установление и закрепление во времени, является результатом следующего этапа институционализации – объективации»⁹².

Объективация является вторым этапом становления социального института в общественном бытии. На данном этапе авторы концепции уже предполагают возникновение так называемого «социального мира». Непосредственно сама «объективация типизаций достигается благодаря «седиментации» и посредством общедоступной знаковой системы. В памяти поколения оседает интерсубъективное знание типизаций (седиментация), закрепляющееся в лингвистической форме (общедоступной знаковой системе)»⁹³.

На заключительном этапе легитимации социального института мы также наблюдаем крайне непростые процессы. На данном этапе происходит расширение институционального порядка за пределы жизни одного поколения. Сам процесс легитимации также непосредственно связан с нормативными и когнитивными процедурами аргументации актуальности, значимости и востребованности сложившегося институционального порядка. Таким образом, можно подытожить, что «Лукман и Бергер ограничивают содержание институционализации функцией установления социального контроля – объективацией институтов и легитимацией институционального порядка»⁹⁴. Таким образом, был дан краткий обзор теории

---

⁹¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 40.

⁹² Островская-Младшая Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 116.

⁹³ Там же. С. 116.

⁹⁴ Островская-Младшая Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. № 4-5. С. 117.

институционализации в рамках концепции социально-конструктивистского мышления.

Далее обозначим творчество одного из представителей структурно-функционального анализа Толкотта Парсонса. Систему данного мыслителя в сфере исследования социального института и процесса институционализации, по справедливости, можно назвать классикой социальной науки. В своём творчестве Парсонс аккумулировал как достижения прошлого в сфере социальных наук, так и собственное креативное начало, вытекающие из общественных и культурных реалий конца XX века. Для начала заметим, что вся социальная теория Парсонса базируется на трёх основных составляющих (подсистемах): культурная, социальная и личностная. Своего рода подобная теоретико-методологическая триада в данной концепции является самодостаточной, не сводящейся к категориям «соседних» элементов. Однако здесь имеет смысл говорить если не о прямой взаимозависимости, но о своего рода взаимообусловленности трёх компонентов.

Так, к примеру, личностная сфера обусловлена и социальными и культурными началами общества. Общество же, в свою очередь, формируют отдельно взятые личности, которые одновременно и являются результатом социальных коммуникаций. Так, Парсонс, говоря о связи между личностным началом социального и процессом институционализации, отмечает: «Сама институционализация по своей природе – феномен оценочный, способ организации системы действия. Поэтому модели, которые институционализируются по природе своей включают элемент ценностной ориентации на социально-системном уровне, т.е. они включают моральную заинтересованность со стороны актора в смысле системно-интегративном, отличном от эгоинтегративного»⁹⁵.

Таким образом, в качестве промежуточного итога параграфа, закончив обзор основных мыслителей ученых-институционалистов, можно сказать следующее. Сам феномен социального института закономерно стал чрезвычайно

---

⁹⁵ Парсонс Т. О социальных системах. М.: «Академический Проект», 2002. С. 124-125.

интересным предметом научных поисков для исследователей социального бытия. За институциональным измерением общественной жизни скрываются сложнейшие коммуникативные и социально-политические процессы, а также динамичные и постоянно переосмысляющиеся аксиологические основания коллективного бытия людей.

Анализ вышепредставленных авторских позиций является значимым для выявления: во-первых, природы институциональности, которая включает в себя и бытие образования как социального института, во-вторых, фундаментальных факторов, определяющих институциональную динамику образования. Это создает необходимую основу для формирования авторской позиции, где «именно философия образования как раздел социальной философии, основная проблематика которой сосредоточена на изучении системы образования в качестве социального, культурного, исторического и других институтов»⁹⁶ играет конституирующую роль.

Во-вторых, проанализировав вышеобозначенные социально-философские системы, можно констатировать, что возникновение и становление социального института – это сложный диалектический процесс, который сопровождается серьезными социальными трансформациями, а также связанными с ними социальными рисками. Институционализацией мы будем называть процесс становления и возникновения социального института, сопровождающийся созданием стабильных образцов социального поведения и регламентирующих их социальных норм. Расширяя содержание данного понятия, необходимо отметить, что сам процесс институционализации связан с встраиванием какой-либо идеи, концепции или формата человеческих отношений в устоявшийся социальный порядок. Учитывая всё обозначенное выше, в рамках данного этапа исследования необходимо перейти к теоретико-методологическим основаниям процесса институционализации образования.

---

⁹⁶ Майер Б.О. Образование в условиях глобальных изменений: методологическая функция философии образования // Философия образования. № 6 (45). 2012. С.118. (С.117-124).

Исторически в человеческой цивилизации сложилось так, что сам феномен образования является важнейшим спутником деятельности людей. Причем, справедливости ради стоит отметить, что деятельности различной: от простых повседневных дел по хозяйству, заканчивая выстраиванием сложнейших социокультурных практик и стратегий общественного развития. Любая человеческая активность нуждается в конкретной эпистемной базе, то есть в определенном знании, которое и станет смысловым и концептуальным скелетом для практической или теоретической деятельности. И закономерным фактом становится то, что само образование попадает в исследовательское поле чрезвычайно многих наук: философии, психологии, культурологии, истории и других. На эту тему можно отметить, что «образование – один из самых популярных и противоречивых объектов исследования в предметной плоскости широких полидисциплинарных исследований социально-гуманитарных наук. Противоречивая видимость данного социального феномена заключается в его кажущейся простоте и онтологической квазипрозрачности»⁹⁷. Здесь автор особое внимание уделяет именно сложности, многогранности и многомерности образования как феномена, изучая который, люди могут прогнозировать его развитие, а также производить институциональную модернизацию в соответствии с требованиями современного социального бытия.

Дополнительно, говоря о многомерности образования, упомянем о том, что «значимость института образования для современного общества сложно переоценить. Именно образование, будучи институтом, являющимся некоторой точкой схождения различных социальных сил и участников, позволяет обеспечивать стабильность социального климата в различных его аспектах: политическом, социокультурном, религиозном и др»⁹⁸. Беря во внимание всю сложность института образования, соответственно и сам теоретико-методологический срез процесса институционализации образования будет

---

⁹⁷ Вихман В.В. Феномен образования в полидисциплинарных теоретизациях: проблема систематизации // Социология. 2021. №. 3. С. 209.

⁹⁸ Сюсюкин В. А. Стратегии модернизации образования в постсекулярном мире // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, № 2. С. 166.

представлять собой чрезвычайно непростой предмет социально-философского исследования, содержащий в себе как диалектический компонент, так и различные социокультурные практики. Сложность также обусловлена серьезным влиянием аксиологических оснований личности субъектов, задействованных в процессе функционирования института образования и его институционализации.

Для того чтобы выявить процесс становления образования как социального института нам необходимо исследовать этапы оформления первых институциональных контуров образования, проанализировать содержательную часть этих этапов и выяснить социальные и культурные детерминанты этих «шагов» институционализации. В корпусе социально-философских исследований образования особое место занимают исследования институциональной проблематики. Как отмечает Б.О. Майер, выделяя кроме онтологического, также и гносеологический аспект в философии образования, которая занимается познанием «постоянно развивающегося процесса возникновения, функционирования, преобразование и распада социальных образовательных отношений в рамках соответствующих социальных институтов общества»⁹⁹.

В работах Е.В. Калюжиной осуществляется рассмотрение институционального измерения образования через обращение к социокультурным основам, что закономерно, так как «структуру социокультурного института образования определяет исторический тип общества»¹⁰⁰, а на само общество оказывают кардинальное влияние факторы информатизации общества, коренные преобразования, связанные с переходом к постиндустриальной фазе своего развития.

Важными представляются труды Н.Н. Равочкина, в работах которого концептуализируется понятие института применительно к условиям современных состояний сфер общества. Представляет исследовательский интерес авторское

---

⁹⁹ Майер Б.О. Образование в условиях глобальных изменений: методологическая функция философии образования // Философия образования. № 6 (45). 2012. С.119.

¹⁰⁰ Калюжина Е.В. Институциональные черты высшего образования и их эволюция с позиций концепции «трех волн» // Вестник КГУ, 2009. № 2. с.14. (с.13-17).

определение института, который автором мыслится как комплексное явление, как «уникальный и относительно устойчивый набор способов мышления, правил и практик, складывающийся и изменяющийся в зависимости от возникающих перед конкретным социумом ожиданий, требований и угроз»¹⁰¹. Данный тезис видится перспективным для пространства образования, конфигурации которого – топосы и будут реакцией на поступающие вызовы.

Связь рискогенного потенциала трансформирующегося образования и институтов содержится в творчестве О.Б. Истоминой, утверждающей, «что негативная динамика системы образования обладает значительным рискогенным потенциалом для всех социальных сфер общества»¹⁰². В монографии «Информационная среда: вызовы и ответы современной системы образования» О.Б. Истомина справедливо отмечает актуализацию институциональных исследований образования, причем именно с социально-философских позиций, что дает возможность, целостного восприятия происходящих изменений, а с другой стороны – осуществить фиксация и рефлексию «внутриинституциональной динамики, а также тенденций и форм воздействия внешних агрессивных сред на сущностные характеристики образовательных систем и ее ресурсов»¹⁰³.

Иной ракурс институциональности образования представлен в диссертационном исследовании Д.Н. Попова, в котором на основе интеграции подходов Э. Гуссерля и Г. П. Щедровицкого были сформированы стратегии реализации модели образования как института формирования сознания и мышления¹⁰⁴.

---

¹⁰¹ Равочкин Н.Н. Институт как объект социально-философского анализа // Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 112.

¹⁰² Истомина О. Б. Институт образования и современная социальная реальность: признаки и тенденции развития // Философия образования. 2023. Т. 23, № 1. С. 13. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230101>.

¹⁰³ Истомина О. Б., Серебренникова О. А., Тюменцева В. Е. Информационная среда: вызовы и ответы современной системы образования: монография. – Науч. ред. М. В. Золхоева. – Электрон. текст. Дан (3,8 Мб). – Иркутск: Аспринт, 2024. С.14.

¹⁰⁴ Попов Д.Н. Образование как институт формирования сознания и мышления (феноменологический подход): дисс. ...к-та филос. наук: 09.00.11. Ярославль, 2018. 128 с.

Аксиологический подход к анализу такого аспекта как непрерывность, в том числе применительно к институционализированному ракурсу образовательной системы использует исследователь А.Ю. Топчий, который выделяет институционально-образовательный уровень целевых установок¹⁰⁵.

Несмотря на теоретико-методологическую ориентацию данного этапа исследования, здесь невозможно упустить и сравнительно-исторический компонент развития образования в хронологическом измерении. Н.В. Василенко справедливо в своей работе отмечает: «Мы полагаем и считаем чрезвычайно важным учитывать, что в образовании сосуществует совокупность формальных и неформальных институтов, норм и правил, регулирующих отношения между людьми»¹⁰⁶.

В рамках данного исследования целесообразным является выделение последовательных этапов процесса институционализации образования, а также представление их характеристик. Исходя из «общих мест» социальной теории, условно этапы институционализации можно классифицировать следующим образом:

1. возникновение потребности в обществе, носящей общечеловеческий, социальный характер. К примеру, здесь может речь идти о необходимости выработки механизмов регуляции конфликтов;
2. формирование перечня общих целей, в достижении которых заинтересованы все участники общественных процессов
3. появление соответствующих социальных практик и регламентирующих их социальных норм, которые позволяют достигнуть вышеуказанные цели;
4. институционализация норм и правил, регламентирующих активность конкретных акторов социальных отношений;

---

¹⁰⁵ Топчий А.Ю. Аксиологические основания непрерывного образования в современном российском обществе: социально-философский анализ: дисс. ...к-та филос. наук: 5.7.7. Москва, 2024. 170 с.

¹⁰⁶ Василенко Н.В. Институциональный подход к исследованию образования // Образование и наука. 2006. № 5. С. 21.

5. формирование системы статус и ролей, необходимых для полноценного функционирования социального института.

Иными словами, можно сказать, что процесс институционализации представляет собой систематизацию и упорядочивание социальных отношений. Эта процедура является для любого сообщества чрезвычайно важной, так как делает поведение человека предсказуемым, рациональным и более стабильным в долгосрочной исторической перспективе.

Первый этап связан со своего рода формированием социального запроса, который и становится отправной точкой для дальнейшего процесса институционализации образования. Каждое человеческое сообщество, независимо от его географической специфики и социокультурного разнообразия, включает в себя потребность для передачи знания и наиболее важного социального опыта из поколения в поколение. Знание как общественное явление представляет собой не только некоторый набор информации, позволяющий сформировать картину мира. Знание также несёт собой серьёзный аксиологический и этический месседж, объединяя людей в единое коммуникативное поле. Иными словами, мы вправе утверждать, что фундирующим социальным институтом (который на данном этапе лишь начинает приобретать контуры своей институциональности) является именно образование. В данном дискурсе мы можем говорить об образовании как об «иммунной системе» общественного «тела». В данной системе координат происходит рефлексия событий, насыщающих социальное бытие человека, а также осмысление процессов, которые трансформируют общественную жизнь человека. В социально-гуманитарном отечественном дискурсе значит, что «каждое общество на протяжении исторической траектории своего становления и развития вырабатывает социальный иммунитет, который, являясь защитным механизмом, позволяет регулировать влияние чужеродных элементов, блокировать их негативное воздействие, сохраняя тем самым стабильность и

адаптивность внутренней социальной среды»¹⁰⁷. Справедливо будет отметить, что условно можно квалифицировать предпосылки для формирования общественного запроса на институционализацию образования. В данном исследовании мы опираемся на две из них, которые, по нашему мнению, являются наиболее важными и фундаментальными.

Первая предпосылка связана с эпистемологическими основаниями человеческих коммуникаций в обществе. Трансляция знания в общественное сознание, его систематизация и социальный транзит – важнейшая функция образования как института. Независимо от уровня технологического развития сообщества, потребность в сохранении и передачи наиболее полезного социального опыта является своего рода общим топосом для любого социума. К примеру, если мы говорим о периоде архаики, то транзит знания о технологии изготовления посуды, орудий для охоты, а также о методах обработки камня является, действительно, жизненно необходимым элементом бытия человека. Для того чтобы общество продолжало своё существование и развивалось во всём социокультурном разнообразии, необходимо обеспечить переход достижений прошлого в реалии современности.

Эпистемологические основания предпосылки институционализации образования также напрямую коррелируют с конструированием полноценной картины мира. В свою очередь, картина мира представляет собой всеобъемлющее представление о бытии, о человеческом обществе вообще и о человеческом виде в частности. Общее понимание природы вещей, мироустройства и цели человеческой жизни – всё это создаёт необходимый для общественной консолидации социальный климат.

Вторая предпосылка связана с этическим аспектом социальной жизни человека. Этический дискурс социума включает в себя вопросы о моральной природе человека, о важнейших человеческих ценностях, а также о духовно-нравственных основаниях человеческой личности. Именно в этическом

---

¹⁰⁷ Воденко К.В., Боровая Л.В., Ефимов А.В. Культурный иммунитет российского общества в свете трансформации культуры образования // Гуманитарий Юга России. №4. 2020. С. 43.

измерении формируются социально-допустимые модели общественного поведения. Подобные модели опираются на исторический опыт человека, а также позволяют человеческим коммуникациям быть более прозрачными и последовательными. В этой сфере институт образования берёт на себя важнейшую задачу, связанную с трансляцией наиболее важных, исторически устоявшихся ценностей и идеалов. К слову, именно отсюда и формируется образ учителя как некоторого образа поведения. Учитель в человеческой культуре обладает совершенно уникальным социокультурным топосом, ведь именно педагог является представителем общества, который не только берет на себя ответственность по передаче знания, но и по воспитанию человеческой личности.

Логичным продолжением первого этапа институционализации образования выступает ее второй этап, который связан с непосредственным целеполаганием в дискурсе социальных отношений. Перечень общих целей в процессе становления социального института является экватором, пересекая который человеческое сообщество от теоретизации переходит уже к практическим действиям. Данный этап напрямую вытекает из первого, поскольку еще на первой ступени институционализации мы имплицитно наблюдаем элементы целеполагания. Главную цель формирования института образования можно обозначить как приобщение человека к достижениям цивилизации как в интеллектуально-познавательном, так и в морально-этическом измерениях. Здесь примечательны слова Ю. Чеботарева о том, что «место института образования в структуре социальных институтов определяется совокупной социализирующей функцией. Она проявляется по двум направлениям: интеграции в культуру конкретного общества (формирование аксиологического аспекта сознания личности) и передачи универсальных, т.е. не зависящих от культурной идентичности конкретного общества знаний (их трансляция)»¹⁰⁸.

Такое целеполагание является не только вектором движения к «здоровой» личности, но и к благополучию общества вообще. Выше мы упоминали, что

---

¹⁰⁸ Чеботарев Ю.А.. Теоретический аспект формирования института образования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 3. С. 23.

институционализация напрямую связана с тем, что социальное поведение человека становится предсказуемым, прозрачным, опирающимся на человеческое *ratio*. Опираясь на стабильность человеческого поведения, появляется возможность крепких социальных систем, способных выступать в качестве надежного фундамента социального бытия. На эту тему Н.Н. Николаева справедливо пишет: «Образование как институт характеризуется особой системой функций, ориентированных на определенные общественные потребности. Выполнение этих функций способствует, с одной стороны, поддержанию целостности и развитию общества и, с другой стороны, воспроизводству самого института образования»¹⁰⁹.

Третий этап институционализации связан с переходом в плоскость эмпирики. На третьем шаге возникают конкретные социальные практики, которые позволяют достигнуть обозначенные выше цели. Поскольку мы говорим о сфере образования, то здесь необходимо говорить о тех практиках, которые человечество воспроизводило с целью создания образования как социального института. Первым пунктом хотелось бы отметить институт учительства и духовного наставничества. Исторически сложилось, что само слово «учитель» имплицитно себе содержит серьезный эпистемологический и духовно-нравственный посыл. Учитель – это тот, кто обладает сакральным знанием, и кто готов этим знанием поделиться со своим учеником. Авторитет учителя во многих культурах бесспорен: человек, пришедший к мудрецу, априори становится адептом этого мудреца, разделяя его учение и взгляды. С развитием и усложнением общества появляются первые организации, специализирующиеся на образовательной и воспитательной деятельности. Яркие примеры находим в культурном пространстве Древней Греции, в рамках которой возникли знаменитые школы мудрецов. Речь идет об академии Платона и о Ликее (Лицее) Аристотеля. Эти две школы оказали огромное влияние на дальнейшее понимание

---

¹⁰⁹ Николаева Н.С. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2011. № 4. С. 172.

образования как социального института и социальной практике в западноевропейской цивилизации.

Образование становится не хаотичной одноразовой акцией передачи знания и традиций сообщества. Практики образования приобретают черты систематизации, происходит оформление его методологической и концептуальной базы. К примеру, если мы говорим об античной традиции, значимую роль в формировании личности древнего грека играло понятие калокагатии. Данная категория выступает в роли своего рода общественного, культурного и этического идеала для античного человека. На эту тему М.Ю. Прокопьева в своей работе пишет, что «греческий термин «calosagathia» буквально означает «прекрасный и хороший», «красивый и добрый», хотя интерпретаций его перевода довольно много. «Прекрасное» греки относили к телу, а «доброе» – к душе»¹¹⁰. Можно сделать вывод, что категория также и вписана в образовательный дискурс греческого полиса: чтобы быть образованным, надо стремиться к добродетели, а стремление к добродетели приведет человека к логосу, то есть, к знанию.

Особое место в формировании западноевропейской культурной традиции занимает, конечно же, возникновение университетской культуры. Эпоха средневековья связана не только с тотальной доминацией христианского мировоззрения, но и с появлением и активным развитием первых университетов в пространстве человеческой цивилизации. Отмечая значимость университетского феномена, И.В. Потапчук пишет: «Трудно сейчас представить, но в эпоху Средневековья именно университеты были важнейшим, а порой единственным источником информации. Любая информация обладает скрытой властью. Власть университетов и университетской науки была исключительно сильной»¹¹¹.

Как можно заметить, третий этап связан с оформлением контура институциональности образования. Хаотичность, непостоянность, не системность

---

¹¹⁰ Прокопьева М.Ю. Калокагатия: соотношение истины, добра и красоты // Вестник Курганского государственного университета. 2014. № 3 (34). С. 30-32.

¹¹¹ Потапчук И.В. Первые университеты эпохи Средневековья // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 7 (23). С. 92.

образовательных практик сменяется на упорядоченность, рациональность, методичность. Данные предикаты образования как социокультурного процесса трансформируются в четвертый этап институционализации.

Данный этап связан с появлением системы социальных правил и норм, которые являются необходимым условием полноценного формирования общественного института. Образование, как и любая форма сложной социальной активности, нуждается в формировании нормативной системы, которая позволит создать социальный фрейм, в котором и будет находиться данный общественный институт. Стоит отметить, что данный этап напрямую коррелирует с доминирующим мировоззрением данной исторической эпохи. Ярким примером здесь является эпоха Средневековья. Главным источником морали, социально-политических, антропологических и эпистемологических воззрений средневекового человека являлось Священное Писание.

Будучи важнейшим культурным артефактом, оно регламентировало и образовательную деятельность: задавало систему ценностей и приоритетов образования, его цели, истинную сущность и цели. И.И. Царьков, размышляя о значимости Библии в человеческой культуре, утверждает, что «в дохристианскую эпоху ни один народ не имел в своем арсенале текста, который занимал бы такое место в культуре, как текст Библии в христианстве»¹¹². Четвертый этап напрямую переходит в пятый, заключительный шаг институционализации образования, связанный с формированием системы социальных статусов и ролей общественного института.

Любой институт общества включается в целую палитру сложной социальной активности, которая и является функционированием данного института. Человеческая активность формирует сети общественных отношений, межкультурные и межинституциональные связи. Все эти процессы и конструируют многообразие общественной реальности. Говоря об образовательном дискурсе, мы выделяем появление специализированных страт

---

¹¹² Царьков И.И. Библия как первичный нормативный текст // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 2. С.284.

людей, осуществляющих свою профессиональную или экспертную деятельность. Если вспоминать древнегреческую культуру, достаточно вспомнить философов и софистов, которые обладали некоторым набором схожих черт. Важнейшая из них – просвещение людей, обучение их ораторскому искусству, выступление на судах. На пятом этапе в институциональном пространстве возникает полноценный институциональный субъект, за которым закрепляется определенное общественное амплуа.

Аналогичным примером является институт магистратуры и профессуры в средневековых университетах. Члены данного сообщества являлись экспертами того времени, которые были способны дать оценку сложному общественному или природному явлению.

Таким образом, подводя итог данного параграфа и главы в целом, целесообразным является выделение следующих важнейших моментов исследования. Во-первых, необходимо сказать, что человеческая природа тяготеет к систематизации и упорядочиванию общественных отношений. Каждое человеческое сообщество хочется выстроить рациональную систему ценностей и приоритетов, которая будет регламентировать социальное поведение человека. На это есть комплекс причин, важнейшая из которых заключается в следующем. Оформление системы и прочного ценностного «каркаса» социальных коммуникаций делает общественную жизнь более стабильной, предсказуемой и интеллигибельной. Для сохранения целостности общественного бытия человек не может опираться на сиюминутные ненадежные связи. Наблюдается необходимость в конструировании прочного институционального и ценностного фундамента социума.

В истории человечества образование прошло сложный, противоречивый и многоэтапный процесс институционализации. Начиная от непостоянных жреческих практик представителей архаичного общества, заканчивая созданием профильных организаций, специализирующихся на трансляции актуального университетского знания в социум. Значимость общественных институтов как для архаичного, так и для современного общества сложно переоценить, ведь

«институты воспринимаются как функциональные, неотъемлемые элементы социального мира, как нечто данное, непроблематичное, характеризующееся «твердой» онтологической реальностью, как нечто, что детерминирует действия людей»¹¹³. Вопросы социального контроля и социальной стабильности всегда являлись одним из важнейших моментов общественных коммуникаций. Особо остро данная проблема находит отклик в условиях современного информационного общества. Социум третьего тысячелетия – это крайне динамичная, хрупкая, быстрая и многомерная среда, в пространстве которой найти «островки» надежности хочется не только отдельно взятому человеку, но и общественной системе в целом. Исходя из этого, значимость институциональной сферы жизни человека становится еще выше.

Во-вторых, как говорилось нами выше, современное общество пронизано сетевыми коммуникациями. Появление сети Интернет, прорывных IT-технологий, тотальная цифровизация практически всех сфер жизни человека – всё это значительным образом сказывается на человеке как субъекте общественных отношений. В условиях сети меняется всё: трансформируются пространство и время, происходит переосмысление ценностей прошлого, а социальные коммуникации приобретают целый комплекс новых предикатов, ранее человеку неизвестных.

Человек вынужден подстраиваться под правила ежедневно меняющейся социальной игры. Очевидной становится необходимость постоянной актуализации знаний и навыков личности. В этих условиях институт образования становится флагманом социального развития и трансформации общественной реальности вообще. Институт образования перестает быть одномерным «вместилищем знаний». Как показывается практика, образование в условиях сетевых коммуникаций становится важнейшим субъектом социально-экономических отношений государства в целом. К примеру, от современного

---

¹¹³ Халиуллина Л.И. Подходы к институтам в современной социальной теории // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 4. С. 119.

университета давно требуют значительного вклада в промышленность, в развитие межкультурных и этноконфессиональных коммуникаций.

Иными словами, сеть интенсифицирует институциональную трансформацию образования. Проявляется это по многим сферам взаимодействия: развитие горизонтальных коммуникаций с другими общественными институтами, формирование новых IT-компетенций у обучающихся и т.д. В условиях, когда социальная морфология ознаменовывает переход от иерархических структур к сетевым, институт образования становится центральным топосом общественной дискуссии и научной рефлексии. Перед современными социальными философами, управленцами, педагогами возникает ряд серьезных исследовательских кейсов, связанных со стратегиями и рисками институционализации образования в сетевом социуме, речь о которых пойдет во второй главе диссертационного исследования.

Глава 2. Топосы и динамика образования в пространстве сетевого общества

2.1 Институциональные формы образования в условиях сетевого общества

В рамках концепции сетевого общества исследователь ставит перед собой чрезвычайно непростую научную задачу – уловить динамичную реальность сетевого социума, при этом вычленив в ней устойчивые элементы (рёбра сети), которые и образуют скелет сетевой структуры. Исходя из подобной логики, институциональные формы образования должны быть весьма пластичны, конкурентноспособны на рынке образования, а также вмещать в себя как инновационный, так и классический компоненты образовательных практик. В данном параграфе диссертационного исследования предлагается рассмотреть механизмы и динамику форм институционального образования в условиях сетевого социума.

Для точности кратко воспроизведем контекст реалий сетевого бытия. В пространстве сетевых взаимодействий особенно важным с исследовательских позиций является фокус на динамичности общественного бытия, его подвижности, вариативности и многомерности. Само понятие сети имплицитно включает в себя необходимое условие интерактивной коммуникации, а она, в свою очередь, подразумевают постоянное взаимодействие акторов, их консолидация в единый дискурс. Ключевой же единицей взаимодействия субъектов становится «месседж», то есть – информация, передающаяся различным участникам сетевых коммуникаций. Именно в пространстве информационных потоков и пребывает сетевой субъект.

Учитывая все вышесказанное, справедливо отметить, что в сетевом пространстве «нет перемещения тел, как и нет проблемы их встречи (одновременности), определяемой классическими часами. Встречают не биологические тела, а медиумы сообщений»¹¹⁴. В данных условиях мы имеем дело с фундаментальными трансформациями в сфере социальной онтологии.

---

¹¹⁴ Анохин В.Б., Трошичев А.Н. Пострациональность сетевого общества // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2010. № 1. С. 4.

Классическое понимание категорий пространства и времени уже не способны описать сетевую реальность. Сеть функционирует по качественно иным правилам социальных коммуникаций. В связи с этим контекстом, целесообразно исследовать институциональные формы образования в условиях: а) пространства потоков и таких его свойств как дискретность, неравномерность, множественность и динамичность; б) событийности времени, детерминированным скоростью коммуникаций акторов сетевых отношений.

В условиях сетевого общества на институциональном уровне мы можем выделить следующую классификацию форм образования: институционально устойчивые и подвижные (слабоинституционализируемые) формы образования. Данная классификация выделяется автором вследствие специфики бытия сетевого социума, характеристики которого были представлены в первой главе работы.

Сетевое общество напрямую связано с динамикой, то есть с движениями социальных структур и их коммуникациями. В связи, сделав исследовательский фокус на сетевой структуре сетевого общества, целесообразным является выделение тех свойств институциональных форм, которые будут удовлетворять следующим критериям. Наиболее оптимальным выбором здесь является классификации на основе подвижности и устойчивости, что удовлетворяет двум важнейшим аспектам сетевого социума: 1) развитие гибкости и пластичности структур сети, что позволяет подстраиваться под изменяющуюся социокультурную среду; 2) обогащать свой социальный капитал наиболее качественными и эффективными горизонтально-ориентированными связями. По этой причине подобная классификация является рациональной и последовательной: она позволяет уловить динамичность сети образования, выявить общественный топос, который занимает каждая конкретная из институциональных форм образования.

Прежде чем детально исследовать отечественную систему образования, необходимо кратко представить выявленные характеристики обозначенных институциональных форм образования в сетевом обществе, исследовать их

специфику посредством методологического ресурса социально-философской науки.

Устойчивые институциональные формы образования в сетевом социуме обладают множеством свойств. Однако в рамках данного диссертационного исследования предлагается выделить, по нашему мнению, наиболее важные. Среди таких признаков мы можем выделить:

1. исторически проверенные, надежные институты образования: школа, колледж, вуз и др;
2. обладают относительно невысокий риск-фактор института (речь идет о возможности возникновения институционального кризиса, проблемах с финансированием и прочее);
3. четкое регламентирование образовательной деятельности, институт вписан в правовое поле государства;
4. протекция со стороны государства: финансирование учреждений, развитие инфраструктуры, информационная и политическая поддержка;
5. гармоничное сочетание оффлайн и онлайн образования, предпочтение классическим очным форматам обучения;
6. топос образовательного пространства связан как с физическим, так и с виртуальными пространствами. Развитие цифровой образовательной среды сопровождается соответствующими инфраструктурными трансформациями: создание компьютерных классов, вычислительных центров, фаблабов.
7. образовательное пространство не дискретно, то есть непрерывно. Наблюдается четкая логика и механизмы перехода между уровнями образования, которые сопровождается как на учебно-методическом, так и на морально-этическом уровнях.

Размышляя на эту тему, С.А. Шашкова и Н.А. Кондратенко в своей научной статье отмечают, что «современный институт образования, отвечая на вызовы времени, становится все более многоуровневым и многоформатным. Особенно интенсивно сегодня развивается неформальное и дополнительное образование, которое начинает активно конкурировать с формальным и основным

образованием»¹¹⁵. У институционально «прочных» форм образования появляются все большее количество конкурентов на рынке. Исходя из данной предпосылки, институт образования вынужден активно трансформироваться, подстраиваться под динамичную социокультурную реальность. Важнейшим направлением для модернизации института образования является пространственные преобразования. Говоря о них, мы имеем в виду два вида топосов (пространств) в контексте сетевого социума.

Первый из них – топос реального физического пространства. В данной исследовательской рамке речь идёт о пространственной объективности, о протяженности материи. Вторую группу пространств мы можем обозначить как информационноёмкий топос. Подобные топосы связаны с цифровизацией социального бытия, переход общественных отношений в формат двоичного кода. Особенно глубоко данную тему в своих научных работах данную тему рассматривает В.Б. Устьянцев. В одной из своих статей автор даёт следующее определение: «Информационноёмкие топосы – это территориальные единицы высокоэффективного и мобильного информационного пространства развитых стран»¹¹⁶. Учитывая два вышеобозначенных направления пространственных трансформаций, необходимо рассмотреть специфику институционально устойчивых форм образования в сетевом обществе.

Ярким примером устойчивой формы институционального образования является сфера высшего образования. Его развитие всегда было одним из приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации. Именно высшая школа как институционально устойчивая форма образования позволяет отечественной науке развиваться в соответствие с теми глобальными тенденциями, которые формируются на научной арене мирового сообщества. Именно в пространстве высшего образования формируются компетентные

---

¹¹⁵ Шашкова С.Н., Кондратенко Н.А. Современные тенденции развития института образования // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. 2021. С. 105.

¹¹⁶ Устьянцев В.Б. Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 4. С. 404.

кадры, которые в будущем будут реализовать свою профессиональную деятельность на благо общества и государства. Учитывая динамичные реалии сетевого общества и его ориентацию на пластичность горизонтально-ориентированных связей. Справедливым будет отметить тот факт, что «современный отечественный вуз стал активным участником социально-экономической жизни. Образовательное пространство постоянно расширяется, перестав сводиться сугубо к функционалу обучения и воспитания. Теперь оно включает в себя различного рода активности акторов, начиная от социального проектирования и заканчивая трансфером технологий и коммерциализацией результатов интеллектуальной деятельности»¹¹⁷. Университеты, академии, институты становятся «игроками» совершенно иного уровня, нежели в начале нашего столетия.

Реалии сетевого общества диктуют качественно новые требования к бытию института образования. Государство, в свою очередь, как основной бенефициар образовательной деятельности, вкладывает серьезные финансовые, информационные и политические ресурсы в поддержание актуальности отечественной высшей школы. Примечательны и серьезные трансформации пространственной организации высшей школы. Говоря о топосе реального физического пространства, мы можем отметить активное развитие инфраструктуры высшей школы. Современный отечественный университет – это уже давно не совокупность корпусов, где реализуют программы высшего образования. Последние годы мы наблюдаем активное развитие инфраструктуры отечественной вышки: появление IT-парков, лабораторий мирового уровня, зон рекреационного характера для студентов.

Ярким примером здесь может выступать кампусное пространство университета. Е.Ю. Смолина в своей научной статье пишет: «Целью кампусной и инфраструктурной политики является улучшение и развитие кампусной инфраструктуры посредством эффективного использования имеющихся объектов,

---

117 Сюсюкин В. А. Сетевое общество и институт образования: абрис социально-философской рефлексии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, № 3. С. 290.

а также за счет выстраивания сетевого партнерства с внешними участниками»¹¹⁸. Иными словами, создание особого рода пространств, которые имплицитно подразумевают сетевые взаимодействия, а также различного рода коммуникации с бизнес-партнерами – всё это является важнейшим элементом инфраструктурной политики отечественной высшей школы.

Поскольку институт образования в контексте сетевых реалий подразумевает под собой открытость, интерактивность, включенность в социально-экономическую повестку государства, то и физическое пространство трансформируется в соответствие с текущими запросами. Б.В. Марков справедливо отмечает: «сегодня проблема состоит в соединении идейной, духовной, целостной и функционально-технологической сторон образования. Изменение медиумов – это не только появление более эффективных инструментов обучения, но и изменение субъектов образовательного процесса»¹¹⁹. Именно комплексная трансформация института образования как на технологическом, так и на ценностном уровнях, позволит образовательному пространству соответствовать требованиям сетевого социума.

Говоря о информационноёмком топосе, конечно же, фокус нашего исследования делается на процессах цифровизации образования. Сетевое общество – это концепция, в рамках которой ключевая роль уделяется информации и механизмам ее передачи. Именно массовое внедрение IT-технологий в образовательное пространство является важнейшим условием встраивания в сетевой социум. Образовательное пространство начинает свою трансформацию, активно включая в себя пространство виртуальное. Ярким примером такого рода слияния может стать, к примеру, конструирования ЦОС (цифровой образовательной среды). В отечественной высшей школе процесса интеграции цифры в образовательное пространство уже запущено: многие гуманитарии начали рефлексировать специфику и риски такого рода интеграции,

---

¹¹⁸ Смолина Е.Ю. Кампусный проект как инструмента управления // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. № 3. С. 227.

¹¹⁹ Марков Б.В. Высшее образование перед вызовом сетевого общества: философские сюжеты // Высшее образование в России. 2021. №2. С. 108.

а также давать прогнозы данному направлению. На данный момент аналитика образования показывает, что «цифровая образовательная среда вуза востребована обучающимися, использование цифровых технологий в процессе обучения способствует эффективной познавательной деятельности, а также удовлетворению потребностей студентов в знаниях»¹²⁰.

Говоря о контексте сетевых реалий социального бытия, справедливо заметить, что информационноёмкий топос как явление органично вписывается в концепцию сетей. Теоретики-философы, изучающие сетевое общество, согласны с позицией того, что пространство в данном случае – это особое пространство, не укладывающееся в рамки социальной науки прошлого. Социальное пространство в дискурсе сетевых отношений представлено многочисленными информационными потоками, которые постоянно пребывают в состоянии трансформации и динамики. На эту тему В.Б. Устьянцев в своей научной работе отмечает, что подобная динамика топосов обусловлена «образованием все новых информационных полей, обеспечивающих функционирование наукоемкой экономики, социально-стратной, бытовой, социокультурной сфер общественной жизни, вовлекаемых в коммуникационные процессы»¹²¹. Именно подвижная природа информационноёмкого топоса позволяет уловить динамику сетевого общества, а также исследовать причины, которые её детерминируют.

На примере института высшего и среднего образования мы наблюдаем, как два типа пространств в сетевом социуме неразрывно связаны. Более того, они являются взаимным условием существованием друг друга. Для того чтобы высшая школа, к примеру, была актуальна и востребована в сетевом социуме, необходим современный цифровой инструментарий (то есть, развитие информационноёмкого топоса). С другой стороны, передовые технологии, двоичный код – всё это напрямую связано с реальным физическим

---

¹²⁰ Лешер О.В., Григоренко Л.А. Цифровая образовательная среда вуза как ресурс формирования познавательных потребностей студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 168.

¹²¹ Устьянцев В.Б. Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 4. С. 405.

пространством, то есть инфраструктурой, представленной серверами, вычислительными центрами и т.д. В данном случае, мы можем говорить о пространственной динамике институциональных форм образования в сетевом обществе. Механизмом подобного рода динамики является взаимопроникновение физического и виртуальных пространств, результатом которой становится формирование качественной новой гибридной среды.

Подобные тенденции в сфере высшего образования открывают новые горизонты для научно-технологического прогресса государства. Сколько бы ни шли дискуссии о значимости и рисках цифровизации, объективная реальность демонстрирует нам, что данный процесс уже динамично осуществляется. Более того, цифра значительным образом «захватывает» основные сегменты социального пространства. В данном дискурсе информационноёмкий топос позволяет образованию на институциональном уровне шагать нога в ногу с будущим и настоящим. На эту тему примечательны слова о том, что «фундаментальность образования, свойственная советской и российской системе обучения, даёт шанс отечественной научной среде создавать технологии на передовом междисциплинарном рубеже»¹²².

Пространственная динамика высшей школы как институциональной формы образования в сетевом обществе напрямую связана с динамикой коммуникативной. В первой главе нашего исследования мы говорили о сетевой логике, то есть о процедуре вхождения новых участников в структуру сетевых отношений. Иными словами, коммуникативное пространство сети расширяется посредством включения новых узлов сети. Именно эти процессы будут главным механизмом коммуникационной динамики высшей школы.

Поскольку одной из важнейших специфик сетевого общества как социально-онтологического концепта является его интенция на развитие горизонтальных связей, то и институт образования как часть сетевого социума будет тяготеть к коммуникациям по горизонтали.

---

¹²²Вешнева И.В., Сингатулин Р.А. Трансформация образования: тенденции, перспективы // Высшее образование в России. 2016. № 2. С. 146.

Как институционально устойчивая форма, высшее образование давно уже вышло за рамки классического своего понимания. Образование в условиях тотальной информатизации, цифровизации и дифференциации социального бытия находится перед серьезными аксиологическими, антропологическими и коммуникационными вызовами. Последний из вызовов является, по нашему мнению, наиболее острым и злободневным. Объясняется это тем фактором, что в обществе глобальной сети именно интерактивная коммуникация участников является необходимым условием жизнедеятельности сетевой структуры. В свою очередь, деятельность актора и его «включенность в сеть обеспечивает доступ к информации. Информация выступает основным ресурсом современности, который передается посредством коммуникации, то есть сетей»¹²³. Относительно процесса расширения пространства сети, основатель концепции сетевого общества Мануэль Кастельс в своей работе пишет, что сети «представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации...»¹²⁴.

Современная высшая школа, как было сказано, тяготеет к практикам горизонтальных коммуникаций. Подобного рода взаимодействия позволяют развить имеющийся научно-технологический потенциал, а также обогатить капитал социокультурных практик университета. Стоит сказать, что «сети лежат в основе организации всестороннего партнерства высшего образования и стейкхолдеров. Сети, создающиеся на инициативной, добровольной основе между институтами высшей школы, академической науки, культуры, обеспечивают эффект развития как их самих, так и всей социокультурной сферы»¹²⁵.

Форма горизонтальной коммуникации на институциональном уровне может быть представлена в совершенно в различных видах. К примеру, речь идет о

---

¹²³ Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2008. № 1. С. 108.

¹²⁴ Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 471.

¹²⁵ Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Взаимодействие между образовательными общностями российского мегаполиса: проблемы управления // Муниципалитет: экономика и управление. 2017. №. 3 (20). С. 21-30.

взаимодействии между вузом и бизнес-партнером, вузом и другими образовательными организациями, университетом и органами исполнительной власти.

В практике отечественной высшей школы хорошим примером сетевой организации образовательного учреждения является модель «сетевого университета». Специфика определяется тем, что «системы сетевых взаимодействий позволяют создавать сетевые университеты и в отдельных российских регионах. Их задачей является решение проблем регионального развития. Однако региональные и межрегиональные сетевые университеты могут повысить конкурентоспособность вузов и в рамках национального образовательного пространства»¹²⁶.

В формате взаимодействия между вузом и бизнес-партнером также можно обнаружить множество преимуществ. Для университета как особого актора социально-экономической жизни региона крайне важно находиться в актуальной технологической повестке, быть актуальным на уровне трендов и тех тенденций, которые формируются в отечественной и мировой науке. Такие практики сотрудничества могут реализовываться по многим направлениям деятельности образовательного учреждения. Стоит отметить, что «важным механизмом партнерства вузов и бизнеса является интеграция имеющихся образовательных, научных и производственных ресурсов»¹²⁷.

Одним из центральных сюжетов в процессе коммуникации между вузом и бизнес-партнером является кадровый вопрос. С одной стороны, любое современное предприятие нуждается в компетентных специалистах, с другой стороны – сам вуз предполагает дальнейшее трудоустройство выпускника, а также формирование достойной конкуренции на рынке труда.

---

¹²⁶ Шуклина А., Оганесян Д.Г. Высшее образование в контексте сетевой теории: особенности сетевых взаимодействий с другими институциональными субъектами // Стратегии развития социальных общностей, институтов, территорий. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Том 1. Екатеринбург, 2017. С. 248.

¹²⁷ Ташкинов А.А., Шевелев Н.А., Данилов А.Н., Столбов В.Ю. Стратегическое партнерство вузов и бизнес-сообщества // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 6. С.52.

Как можно заметить, включение института высшего образования в современную социально-экономическую, научно-технологическую и политическую реальность – явление совершенно необходимое в условиях сетевого общества. Высшая школа становится открытым пространством, которое на стратегическом уровне взаимодействует со многими акторами социальной и экономической жизни как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Третьим пунктом динамики институциональных форм образования в сетевом обществе является рискогенная динамика. Говоря о сетевом обществе, мы уже отмечали фундаментальные трансформации на уровне социальной онтологии. Пространство и время в сетевом обществе чрезвычайно сильно отличаются от этих же категорий, в условиях других концепций общественного устройства. Контекстом социальных коммуникаций в сети является неоднородность, дискретность, неравномерность социального пространства. Оно определяется не физической удаленностью объектов взаимодействия, а скоростью их коммуникации. Время же, как скажет М. Кастельс, становится «вневременным», неисчисляемым в часах и днях. Время в условиях сети становится событийным. А.В. Назарчук в своей статье справедливо отмечает, что «теория сетей призывает к философскому пересмотру многих вещей, провоцируя измерять пространство не расстояниями, а потоками, отсчитывать время не часами, а событиями»¹²⁸. В условиях переосмысления фундаментальных категорий социального, мультиплицируются риски связанные с субъектностью человека, межинституциональными отношениями, а также аксиологическими и мировоззренческими установками личности.

Здесь справедливы слова о том, что «такие колоссальные возможности открытости, доступности, мобильности образования, доминирование инструментально-технологического над ценностно-духовным способствуют

---

¹²⁸ Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 75.

возрастанию риска закрепления за образованием статуса услуги»¹²⁹. Поскольку основной единицей социальной коммуникации в сетевом обществе является информация, то и закономерным явлением становится переосмысление функционала института образования. Подобного рода переосмысление связано с пониманием образования сугубо как института передачи знания, которое необходимо для успешного функционирования в условиях сетевого социума. Концепция образования как универсальной социокультурной деятельности, целью которой является не только трансляция актуального знания, но и воспитание гармоничной личности, способна уйти на второй план. Сетевая реальность, которая благоволит к практико-ориентированному знанию, вынуждает субъект общественных отношений переосмысливать устойчивые социальные институты. Первичной потребностью человека становится расширение круга своих компетенций, связанных с пониманием IT-технологий, работой с искусственным интеллектом, умению позиционировать себя в социальных сетях. В подобных условиях воспитательная работа над собой, развитие своего жизненного и ценностного мира откладываются на второй план.

В дискурсе подобных смысловых трансформаций института образования мы можем говорить о прагматическом детерминизме. Образование как социально-ориентированная деятельность перестает насыщаться духовно-нравственным компонентом; начинает преобладать ситуативное знание, способное решить сиюминутные задачи и дать мгновенный результат. К слову, отмечая специфику институциональных форм образования, необходимо отметить относительно рискогенной динамики следующее. Устойчивые формы институционального образования в меньшей степени подвержены подобным рискам. Классическое университетское образование, к примеру, как один из наиболее ярких примеров, всегда содержит в себе дисциплины и различного рода формы деятельности, которые направлены на развитие аксиологической стороны образовательной деятельности. Е.В. Бережнова на эту тему справедливо отмечает,

---

129 Данилов С. А, Ручин В.А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 1. С. 11.

что «сущностью образовательного процесса при этом становится целенаправленное превращение социального опыта в опыт личный, приобщающее человека ко всему богатству человеческой культуры. Образование было, есть и будет, пока существует род человеческий»¹³⁰. Механизмы регуляции рискогенной динамики здесь представлены достаточно широко и разнообразно.

Говоря о сфере аксиологических рисков, то здесь стоит отметить, прежде всего, механизмы, связанные с содержательной стороной образовательной деятельности. Ими могут выступать ценностно-направленные дисциплины, такие как: этика, религиоведение, практика ведения дискуссии, теология. Помимо этого, в условиях современного общества, особо важным механизмом сохранения почетности образования как института является его брендинг. Данное явление связано с формированием привлекательных образов, к примеру, высшей школы. Такой механизм связан с активным развитием абитуриентской политики в социальных сетях, модернизацией инфраструктуры организации, представительством вуза за рубежом. Подобного рода механизмы повышают общее социальное доверие к институту, а также формируют определенный круг заинтересованных лиц (как на уровне личностей, так и институтов).

В противовес институционально устойчивым формам образования, (для которых характерны: историческое «доверие» общества, регулируемость и системность, традиционность и субъектоцентризм), целесообразно в рамках текущего исследования говорить о подвижных, или слабоинституционализируемых формах образования в сетевом обществе. К ним мы относим онлайн-школы, платформы для самообразования, коучинг, тьюторство и наставничество.

К основным характеристикам подобных форм образования мы можем отнести:

1. историческая новизна, подобные практики еще находятся на этапе создания собственных традиций;
2. приоритет коммерческого результата перед познавательным;

---

¹³⁰ Бережнова Е.В. Образование как ценность // Вестник МГИМО. 2014. №2. С. 240.

3. слаборегулируемость в правовом поле и высокая степень автономии;
4. ориентация на потребительский рынок, приоритет удовлетворения актуального социального и познавательного запроса общества
5. преобладание онлайн формата обучения над оффлайн.

Осмысляя слабоинституционализируемые формы образования в сетевом обществе с позиции социальной топологии, мы можем заявить, что в данном случае преобладает информационноёмкий топос. Однако необходимо учитывать, что «до сих пор нет четких критериев, не выработано строгой классификации, всего того, что позволило бы отнести тот или иной проект, ту или иную образовательную возможность к определенной категории онлайн-образования. Также нет и критериев качества (кроме интуитивно-субъективных), которые позволили бы пользователям оценить эффективность используемого ресурса или профессионализм преподавателя»¹³¹.

Пространственная динамика здесь, преимущественно, связана с расширением именно виртуального пространства. Исследователи отмечают, что «в наши дни технология виртуальной реальности начинает использоваться во многих сферах жизнедеятельности общества. В первую очередь, это сфера развлечений, компьютерные игры. Однако сейчас виртуальная реальность начинает активно применяться и в образовании»¹³². В случае слабоинституционализируемых форм образования, площадка для взаимодействия между заказчиком и исполнителем уже давно не ограничивается одним сайтом или сервисом. Конечно, на пути становления тех же онлайн-школ мы могли наблюдать, как буквально вся образовательная деятельность помещается в рамки одного сайта. Однако, по мере развития подобных форм образования, мы наблюдаем, как виртуальное пространство активно расширяется, включает в себя новых акторов (в том числе не-людей), создаются новые морально-этические и познавательные горизонты. Однозначной тенденции пространственной динамики слабоинституционализируемых форм образования становится создание

---

¹³¹ Власенко А.Р. Онлайн-школа: за и против // SAF. 2021. № 22. С. 125.

¹³² Баюров А. Е., Петрова О. А. Виртуальная реальность в образовании //Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2019. №3. С. 633.

экосистем. Имеется в виду тот факт, что онлайн-школы, курсы тьюторства и наставничества уже давно вышли за рамки своего первоначального понимания. Проявляется это в следующих процессах.

Прежде всего, это процесс конструирования дополнительных сервисов для образовательной площадки. Цель подобных сервисов – создание целостной и комфортной экосистемы в пространстве информационноёмкого топоса. Поскольку одной из целей слабоинституционализируемых форм образования является коммерческий успех, логичным развитием становится взаимодействие с банковскими системами, системами быстрых платежей и иными форматами оплат услуг. Слабоинституционализируемые формы образования тяготеют к неформальному общению между преподавателем и учеником. Отсюда активное освоение мессенджеров, в рамках которых могут решаться как мелкие, так и серьезные задачи образовательного процесса.

В данном случае мы затрудняемся говорить о гибридности образовательного пространства, как в случае институционально устойчивых форм. Институционально подвижные формы тяготеют к доминации информационноёмкого топоса, фактически полностью заменяя топос реального физического пространства. Формат онлайн позволяет охватывать большее число слушателей, экономить средства на содержание аудиторных помещений, ускорить процессы коммуникации между акторами. Механизм пространственной динамики информационноёмкого топоса органично вписывается в сетевую логику, речь о которой шла в первой главе исследований.

Сеть (в пространстве информационноёмкого топоса) расширяется путём включения новых акторов в структуру сети, тем самым ее расширяя и усложняя. Особо примечательна роль акторов не-людей, которые здесь играют значимую роль. Ими могут являться новые сервисы, платформы, сервера и оборудования. Разумеется, включение не-людей в сеть невозможно без включения новых сотрудников и специалистов, которые данную сеть будут поддерживать в рабочем состоянии.

Пространственная динамика, как и в первом случае, напрямую связана с динамикой коммуникативной. Справедливо будет заметить, что «онлайн-школы – быстро растущие и набирающие популярность организации по дистанционному обучению. За короткий срок они смогли образовать совершенно новый сегмент на рынке образовательных услуг, потеснив индивидуальных репетиторов и очные курсы (оффлайн). Будучи малым бизнесом, эти организации привносят немало денежных средств в экономику, способствуют ее развитию»¹³³. Насыщенность и плотность коммуникаций слабоинституционализируемых форм образования куда выше, чем форм, о которых мы говорили выше. Связано это не только с коммуникативным ресурсом цифровых технологий, на которые делается упор. Фундаментальное различие мы обнаруживаем в самом концепте онлайн-образования.

Слабоинституционализируемые формы образования (курсы, онлайн-школы, коучинги) находят отклик у чрезвычайно широкой целевой аудитории. Широкой, как в плане возрастных групп, так и социальных статусов и профессий. Если в случае классического университетского образования мы имеем дело, как правило, с некоторой хронологией «школа, вуз, работа», то в подвижных формах образования наблюдается нелинейная динамика. Даже возрастной человек, уже состоявшийся как специалист, может обратиться за помощью к платформам онлайн-образования, получить необходимые навыки и у меня в удобном дистанционном формате. Более того, в сфере слабоинституционализируемых форм образования мы наблюдаем чрезвычайно непростой и неоднозначный процесс, который именуется как «медиатизация образования». Имеется ввиду переход «к воспроизводимой (то есть массовой и индустриальной), построенной на массовом доступе к образовательному контенту, создаваемому преподавателем, через различные медианосители, преимущественно электронные»¹³⁴. Иными словами,

---

¹³³Шейнин Э.Я., Агаджанян А.А., Галенко О.И. Онлайн-школы как новый сектор экономики образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2022. № 1 (31). С. 75.

¹³⁴Кирия И.В. Онлайн-образование и «Креативная мифология»: феномен массовых открытых онлайн-курсов через призму критической теории медиа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2019. № 1. С.4.

тотальная демократизация доступа к образовательному контенту делает саму данную систему образования открытым пространством, в которой способны проникнуть и чуждые элементы. Речь может идти о спаме, фишинговых ссылках, скаме и иного рода манипуляциях и мошенничестве.

Слабоинституционализируемые формы образования, ввиду массового охвата своей деятельностью и тотальной интеграции в цифровое пространство, трансформируют и само знание. Широкая аудитория акторов, коммуницирующих между собой в пространстве онлайн-образования, влияют на образы знания и его аксиологию. Знание становится частью личного бренда, частью медийного имиджа. По этой причине мы часто наблюдаем, как часто онлайн-школы обращаются за рекламами в социальных сетях, привлекают клиентов различными коммерческими предложениями. В социальных сетях пользователь является тем, что он репостит, на что он подписан. Поэтому подобные практики массово тиражируются в общественное сознание и воспроизводятся посредством определенных символических конструкций «бизнес успеха» и «высокого заработка».

В связи со всем вышесказанным становится ясно, что категория «знание» в условиях слабоинституционализируемых форм образования приобретает свойство, которое ранее ему были не присуще. Мы можем говорить о тотальной коммерциализации знания, о его медиатизации и тотальной открытости. Механизмом коммуникативной динамики в данном является ориентация онлайн-образования на социальные медиа, воспроизводство в общественном сознании образов «коммерческого успеха», а также расширение целевой аудитории образования посредством рекламы и иных информационных компаний.

Рискогенная динамика слабоинституционализируемых форм образования связана, прежде всего, с их ориентацией на парадигму «образование – коммерческая услуга». Разумеется, закономерным процессом в современном мире является тот факт, что образование приобретает серьезный оттенок бизнес-системы, а также полноценного рынка, в рамках которого наблюдается активная борьба за ресурсы и аудиторию. Однако необходимо учитывать, что специфика

сетевого общества не должна проводить к деструкции фундаментальных оснований образования как института. К подобному рода фундаментальным элементам мы относим: ориентацию на развитие личности человека, обогащение человека духовно-нравственными смыслами, передача знания из поколения в поколение, трансляции ценностей и традиций в современное человеческое сообщество.

Разумеется, когда онлайн-школа ориентируется на прибыль и на удачное брендование в социальных сетях, мы не имеем полного права говорить об отсутствии в обучении воспитательного и аксиологического компонента. Однако надо понимать, что, отдавая деньги за образовательную услугу (к слову, что и характерно для университетского образования), мышление потребителя значительным образом претерпевает трансформации. Образование и сам его итог в виде определенного перечня компетенций для освоения профессии становятся не тернистым путем, в рамках которого личность преодолевает себя, открывает новые горизонты человеческого познания. В данном случае образования становится абсолютно предсказуемым процессом, ведь еще на старте был заложен определенный ресурс, который якобы должен предопределить успех на завершающем этапе. Иными словами, механизмы ориентации слабоинституционализируемых форм образования на коммерческий сектор, трансформация образовательной среды под соответствующий рынок – всё это связано с серьезными рискогенными процессами, находящие свое выражении в потенциальной девальвации образования как общественного института.

Таким образом, в данном параграфе второй главы диссертационного исследования нами было выяснено следующее. В условиях сетевого общества институт образования претерпевает сложнейшие процессы, буквально трансформируясь под новые реалии: меняется онтология общественного бытия, возникают новые модели социального поведения, конструируется новая система ценностей и приоритетов. В подобного рода контексте, институт образования не может существовать по тем правилам, которые позволяли поддерживать его

бытие в прошлом. Появляются иные формы образования, которые активно использует весь коммуникативный и пространственный ресурс сетевого социума.

В нашем исследовании мы выделили две формы институционального образования в сетевом обществе: институционально устойчивые формы и слабоинституционализируемых (подвижных) форм образования. Обе формы подвержены определенного рода социальной динамике, которая проявляется в пространственном, коммуникативном и рискогенном аспектах. Динамика реализуется с помощью конкретных механизмов. К примеру, если мы говорим о коммуникативной динамике институциональной устойчивой формы образования, то мы закономерно обращаемся к парадигмальной специфике сетевого общества. Речь идёт о сетевой логике, которая позволяет расширять саму структуру сети (тем самым расширяя и пространство). Механизм сетевой логики объективируется в процессе включения в сеть новых акторов, которые вписываются в устоявшийся дискурс участников сети, а также обладают необходимым функциональным набором для решения различного рода задач.

Несмотря на то, что в параграфе мы проводим некоторое противопоставление двух институциональных форм образования в сетевом обществе, следует сделать важное исследовательское замечание. Подобная дихотомия является достаточно условной и теоретической. В реальном жизненном опыте мы наблюдаем, как подобные формы взаимосвязаны, процессы их взаимопроникновения наблюдаются в отечественной системе образования. Сложнейшие процессы, которые мы наблюдаем на этапе институционализации образования в сетевом обществе, порождают качественно новые элементы бытия. Мы наблюдаем, как формируется гибридное образовательное пространство, которое включает в себя как устоявшиеся образовательные практики, так и инновационные методологические решения задач образования.

Серьезная доля рискогенности, которая наблюдается в сфере образования, даёт исследователям широкий спектр материала, анализ которого поможет нам понимать тенденции и направления институционального «дрейфа» образования в условиях общества сетей. Особо значима здесь именно социально-философская

рефлексия, которая позволяет при помощи широкого набора методологических программ «зафиксировать» институциональные трансформации не только сегодняшнего дня, но и предположить наиболее вероятные сценарии развития института образования в контексте сетевых реалий. Аспект рискогенной природы процесса институционализации рассмотрим в следующем разделе.

2.2 Стратегии и риски институционализации образования в пространстве сети: вызовы цифровизации

Как было выяснено в предыдущих параграфах исследования, институциональная структура образования в условиях сетевого общества чрезвычайно динамична и подвижна. Она претерпевает изменения как на фундаментальном социально-онтологическом, так и на аксиологическом и мировоззренческом уровнях. Справедливы слова о том, что «цифровизация позволяет обеспечить непрерывность и эффективность обучения...Сегодня в учебном процессе успешно используется множество цифровых трендов: искусственный интеллект, геймификация, микро- и нанообучение, виртуальная реальность и симуляции, мобильные приложения»¹³⁵.

Наряду с серьезным элементом инновационности, процесс институционализации образования в сетевом обществе напрямую связан с высокой степенью рискогенности. В предыдущем параграфе мы вскользь упоминали данный аспект, однако в данном разделе целесообразно на более глубоком уровне рассмотреть рискогенную природу данного процесса. И.Ф. Понизовкина, размышляя о цифровых инструментах в образовании, справедливо в своей работе пишет, что «они несут новые возможности для обучения, но и ставят общество перед новыми вызовами, не принимая которые, Россия не сможет оставаться конкурентоспособной на мировой арене»¹³⁶.

---

¹³⁵ Плаксина Н. В., Овчинникова М. В. Актуальные тренды цифровизации образования в мире // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 1. С. 181.

¹³⁶ Понизовкина И.Ф. Цифровизация высшего образования: перспективы и риски // Право и практика. 2020. №1. С. 201.

Обращение к рискологической методологии позволяет существенно расширить исследовательский горизонт и сформировать понимание динамических состояний образовательного пространства. Рискологический дискурс получает свою актуализацию в конце XX начале XXI века усилиями У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана и нацелен на выявление функционирования объектов в условиях неопределенности, нестабильности. Как отмечают С.А. Храпов, Л.В. Баева «новая историческая ситуация определяется турбулентностью, неустойчивостью и целым комплексом рисков»¹³⁷.

Современное социальное пространство, в котором формируется образовательный топос, характеризуется возросшей скоростью социальных процессов, количественным и качественным многообразием субъектов, усилением влияния информационно-коммуникативного фактора. Сетевые структуры, как отмечалось ранее, характеризуются горизонтальностью связей, поточно-узловой инфраструктурой, что обеспечивает высокие уровни распространения рискогенности.

В условиях общественной рискогенности, образование, с одной стороны, является результатом складывания социальной конфигурации ценностей, институционального ландшафта, активности акторов и, следовательно, аккумулирует социальную неопределенность. Риски общества оказываются рисками образования. В то же время образование является источником социальных изменений, интенсифицирует динамику социальных процессов, формирует рискогенную ситуативность.

Риски институционализации образования в сетевом обществе мультиплицируются и экстраполируются на всё социальное бытие не только благодаря специфике оцифровки реальности. Цифровизация «насыщается» высокой долей рискогенности благодаря концептуальной специфике самого сетевого социума, который тяготеет к пластичности, эмерджентности, открытости и прозрачности дискурса. В подобных условиях образование как

---

¹³⁷ Храпов С.А., Баева Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 18.

социокультурный феномен и институт должен не только соответствовать вышеобозначенным принципам социального, но и быть способным ответить на серьезные глобальные вызовы. В данном контекстуальном поле наблюдается целый перечень фундаментальных риск-тенденций, которые обладают своими конструктивными и деструктивными проявлениями. Далее дадим развернутую характеристику этим тенденциям, а также проведем социально-философский анализ и представим их векторы развития.

Процесс институционализации образования в сетевом обществе связан с серьезным акцентированием на обучающегося, на его образовательные потребности, специфику, личность и мировоззренческие позиции. Р.Р. Рахимов справедливо отмечает: «Ключевым трендом нашего времени стал переход от продуктоцентричности к человекоцентричности во всех сферах производства и общественной жизни. Но прежде всего это касается отраслей, связанных с развитием человеческого капитала»¹³⁸.

Разумеется, уже не первый год речь идет о так называемых «индивидуальных образовательных траекториях», которые в образовательном сообществе все еще являются предметом острых дискуссий. Однако в сетевом обществе центральным местом трансформаций становится развитие технико-технологической стороны социальных коммуникаций. Сети способствуют конструированию собственного жизненного мира субъекта (в том числе в горизонтах образовательных практик).

Образовательное пространство и сам субъект образования не только меняются в содержательном плане, но также и претерпевают серьезные изменения на своем фундаментальном уровне. Буквально, мы можем говорить о расширении образовательного пространства, имея в виду тот факт, что «тотальность образования» наблюдается повсюду. Мы имеем в виду, прежде всего, выход образования за его привычные пространственные контуры бытия. А.Е. Абросимова пишет в своей статье «Современный уровень развития общества

---

¹³⁸ Рахимов Р.Р. Тренды в индивидуализации образования // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2022. № 1-2 (62). С. 125.

поражает своей стремительностью и неоднозначностью. Информационные технологии обеспечивают невиданные прежде возможности передачи огромных объемов информации и создают единую коммуникативную сеть взаимодействия людей в интернет-пространстве»¹³⁹.

Сегодняшний человек – это субъект, который пребывает в среде онлайн, насыщает себя множеством смыслов и нарративов, конструируемых в этой среде. Если ранее для получения какого-либо ценно знания человек шёл в библиотеку, искал ответы на страницах газет, обращался к специалистам в конкретной сфере. То сейчас мы наблюдаем, как университетскую лекцию, к примеру, заменяет краткий экскурс в формате видео-урока на платформе «Youtube», слушать которую можно в беспроводных наушниках, по пути на работу. Подобные, казалось бы, примитивные бытовые кейсы, на самом деле, является маркером серьезных трансформаций образования. Е.С. Сипко, к примеру, подчеркивает положительное влияние платформы на образовательный процесс: «Включение в образовательный процесс обучающего контента, располагающегося на платформе YouTube, способствует закреплению теоретического материала, совершенствованию профессиональных навыков, развитию логики и креативного мышления»¹⁴⁰.

Мы наблюдаем, как в сетевом обществе человек буквально конструирует свой образовательный мир. Именно сам человек насыщает его смыслами, ценностными основаниями; человек сам делает выбор в пользу наиболее приятных ему спикеров, выбирает время и формат занятий. Все это является свидетельством тотальной индивидуализации образования. Образовательный мир человека представляется по своей природе двусоставным, включая в себя аксиологический и технологический компоненты. Первый из них связан с системой ценностей и приоритетов личности, с наиболее значимыми для нее темами для исследования, этическими и эстетическими вкусами, интересами и

---

¹³⁹ Абросимова Е.Е. Образовательный потенциал современной видеоблогосферы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 4 (63). С. 20.

¹⁴⁰ Сипко Е.С. Использование платформы «YouTube» в системе образования бакалавров направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 2 (32). С. 102.

хобби. Аксиологический компонент отвечает на внутреннее содержание процесса индивидуализации образования, хотя даже здесь наблюдается определенная градация и экспертность.

Так, если мы говорим о «Youtube», то одного человека может интересовать оригами и кулинарный рецепт. Другой же пользователь захочет углубиться в космологию, математику или гуманитарную науку. Содержание индивидуализации образования определяется не только личностными предпочтениями, но и определенными трендами. К примеру, в условиях конца 2024 года мы наблюдаем, как активно распространяется «культ образования» в социальных сетях. Буквально, мы наблюдаем в реальности то, что в предыдущих разделах мы назвали «медиатизацией образования». В сетевом обществе образование становится не только знаниевой, но и имиджевой историей персоны. Быть образованным в современном социуме, значит быть в тренде, чувствовать ритмы жизни и социальных коммуникаций.

Технологический компонент связан с предпочтениями человека в выборе средств связи и коммуникации. Как правило, здесь речь идёт о смартфонах, ноутбуках, планшетах. В условиях сетевой реальности, когда человек становится активным субъектом, он перемещается не только в топосе реального физического пространства (особенно это чувствуется в пространствах города). Особо активная динамика наблюдается в информационноёмком топосе, где человек пребывает одновременного во многих состояниях и статусах. Здесь субъекту необходимо в широком смысле мобильное устройство, которое обеспечит не только реализацию образовательных практик, но и поможет оставаться онлайн. Здесь справедливо заметить, что «распространение мобильных устройств меняет многие аспекты нашей жизни от того, как мы работаем и общаемся, до того, как мы учимся. В наши дни мобильные устройства используются повсеместно, исключительная мобильность и относительная дешевизна значительно расширяют потенциал и возможности для обучения»¹⁴¹.

---

¹⁴¹ Глотова М.Ю., Самохвалова Е.А.. Мобильные технологии в образовании // Преподаватель XXI век. 2022. № 1. С. 139.

Индивидуализация образования представляет собой неоднозначный процесс и тенденцию в сетевом обществе. Парадоксальность здесь заключается в том, что, с одной стороны, человек открывает перед собой максимально широкий и разнообразный мир знания. С другой стороны, этот мир замыкается на самом человеке и том, что именно у него вызывает живой интерес. Те преимущества, которые мы указали выше, балансируются на чаше весов серьезными рисками и ограничениями. И самый сложный момент, как бы ни казалось странным, связан с абсолютной свободой субъекта в выборе образовательной площадки и того контента, к которому он будет обращаться. Иными словами, индивидуализация образования требует серьезную степень автономности и компетентности человека, что станет условием конструктивной и реально полезной образовательной практики.

Несмотря на то, что выше мы говорим об индивидуализации образования, об атомизации образовательного субъекта, одновременно мы наблюдаем и противоположную тенденцию. Связана она с массовизацией образования. Именно в сетевом обществе мы наблюдаем, на первый взгляд, противоречащие друг другу процессы. Однако при более глубоком анализе мы наблюдаем серьезную диалектическую связь между этими двумя явлениями. В связи с процессами индивидуализации образования мы наблюдаем, как человек замыкает на себе жизненный и образовательные миры. Человек, буквально, сам конструирует мир и насыщает его смыслами. Но потребление образовательного контента с видеохостингов, социальных сетей, форумов и иных площадок формирует определенный круг пользователей, являющихся целевой аудиторией данного знания. Все эти тенденции уместно описывать в концепции «умных толп», предложенной Рейнгольдом Говардом.

Автор в своей важнейшей работе пишет: «Мобильные устройства, такие, как сотовые телефоны, КПК и настольные компьютеры, становятся нашими неизменными спутниками, и, куда бы мы ни пошли, они всегда у нас под рукой... Личные локальные сети предоставляют этим устройствам возможность

участвовать в нашем повседневном общении с окружающими»¹⁴². Люди объединяются в сообщество, не вступая в непосредственную коммуникацию друг с другом. И.Ю. Тихонова пишет в своей статье: «умная толпа становится той общностью, в рамках которой человеку комфортно существовать, сливаясь с себе подобными в любую минуту, в любой точке, держа в руке смартфон и создавая вокруг себя приемлемое пространство из множества желаемых подписок аналогично тому, как ребенок создает свой волшебный мир из деталей конструктора»¹⁴³. Здесь первичен факт единения: мы разделяем общие ценности, нас интересует одно и то же, у нас есть схожие цели. Процесс индивидуализации способствует возникновению этих умных толп. Подписчики сообществ в социальных сетях, аудитория видеоблоггера, участники форумов – всё это формирует новый коллективный субъект образования. С одной стороны, индивидуализация представляется нам как атомизация субъектов, с другой же – необходимость поддерживать свою социальную значимость вынуждает людей вступать в подобные формы самоорганизации социального бытия. Здесь механизмом возникновения подобных сообществ являются, к примеру, смартфоны, которые позволяют быть частью сообщества, по факту, физически в нем не пребывая. Возникает формула «все учатся всему», контуры образовательных процессов размываются. Образование воспринимается как ключевая часть майндсета современного человека, который, встраиваясь в сетевой дискурс социума, обязан постоянно обогащаться новыми знаниями и смыслами.

К примеру, говоря об аксиологии гуманитарного образования, справедливо отметить, что «сегодня главная задача образования – формирование способностей к непрерывному самоизменению, активному усвоению знаний с тем, чтобы не только приспособливаться к меняющимся условиям жизни, но и стать активным

---

¹⁴² Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная. М.: «ФАИРПРЕСС», 2006. С. 243.

¹⁴³ Тихонова И.Ю. «Умные толпы» как феномен информационного общества // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 85.

участником этого процесса изменений»¹⁴⁴. В результате мы имеем два полярных процесса-тенденции в сфере институционализации образования в сетевом социуме. С одной стороны, субъект образования атомизируется, конструирует свой образовательный и жизненный мир. С другой же стороны, наблюдается построение нового коллективного социального субъекта в виде «умных толп», который конструируют и воспроизводят сами себя, основываясь на общих ценностях, целях и мировоззренческих ориентациях.

Центральным элементом в процессе институционализации образования в сетевом социуме является процесс цифровизации. В современном научном сообществе до сих пор нет конвенционального определения термина цифровизации, однако в данном исследовании под цифровизация мы будем понимать процесс разворачивания социальных процессов и коммуникаций в виртуальном пространстве, конструируемым средствами информационно-коммуникационных технологий. А.И. Шевченко, в связи с этим, в своей статье утверждает, что «развитие цифровых технологий таит в себе как возможности для нормализации общественных отношений и их выхода на качественно новый уровень, так и значительные социальные риски»¹⁴⁵. Ключевым фактором в конструировании процесса институционализации становится именно цифровизация, которая красной нитью проходит через все преобразования, связанные с инфраструктурной, технологической и концептуальной модернизацией образования.

Учитывая обозначенные выше тенденции образования, которые связаны с индивидуализацией, коллективизацией образования, целесообразно предложить три ключевых стратегии институционализации образования. О.Г. Щенина справедливо здесь отмечает: «Цифровая трансформация связана со множеством инноваций не только технологического порядка, но и социальных, гуманитарных, антропологических. В этой связи актуализируется вопрос гуманитарной

---

¹⁴⁴ Ручкина Г.Ф. Гуманитарное образование как ценность культуры // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2012. № 182. С. 112.

¹⁴⁵ Шевченко А.И.. Цифровизация как этап развития общества: философский взгляд // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5 (85). С. 44.

экспертизы инноваций в ракурсах ее влияния на социально-политические, экономические, культурные практики»¹⁴⁶. Предложенные нами стратегии будут напрямую связаны с процессом внедрения цифры в образовательное пространство, которое под ее влиянием претерпевает серьезные трансформации.

Стратегия сдерживания цифровизации. Исходя из наименования данной стратегии, становится понятным, что речь идёт о серьезном ограничении преобразовательного потенциала цифровизации образования. Несмотря на то, что нам весьма трудно мыслить концепцию сетевого общества без ресурса цифровизации, однако представить функционал сетей социума в дискурсе ограничения цифры, все-таки, можно. Разумеется, тотальное отстранение от цифры невозможно по той причине, что сам функционал института образования в двадцать первом столетии напрямую связан с информационно-коммуникационной технологией, виртуальными пространствами, искусственным интеллектом. Справедливо стоит сказать, что данная стратегия будет слабо применима к подвижным (слабоинституционализируемым) формам образования в сетевом обществе. Обусловлено это тем фактором, что различного рода курсы, онлайн-школы, видеоблоггинг – всё это напрямую заиклено на среде онлайн, которая воспроизводится посредством цифровых инструментов.

Иное положение дел наблюдается в работе институционально устойчивых форм образования в сетевом социуме. Осмелимся заявить, что университетское образование, к примеру, обладает достаточно широким спектром методических и методологических решений для организации учебного процесса. В рамках данной стратегии мы не говорим о ликвидации цифрового ресурса в образовательной деятельности. Скорее, речь идет о формировании системы координат и приоритетов, где цифровизация отходит на второй план, относительно формата оффлайн взаимодействия. Здесь может речь идти о документообороте

---

¹⁴⁶ Щенина О. Г. Измерения цифровизации: технологическое, антропологическое, сетевое // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 года. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024. С. 451.

университета, о различного рода взаимодействиях с индустриальными партнерами, органами власти, иными общественными организациями.

В рамках текущей стратегии образование будет тяготеть к сетевой организации на уровне социальной морфологии, где сеть становится не результатом оцифровки реальности, но способом организации общественных отношений. А уже сеть как продукт «цифры» – это органичное дополнение для рационализации социальных коммуникаций, но никак не их аналог или симулякр. Термин «сдерживание» в данной стратегии подразумевает перераспределение ресурсов образования в пользу модернизации топоса реального физического пространства, модернизации инфстраструктуры, развития горизонтальным связями с партнерами в оффлайн среде.

На уровне пространственного осмысления данной стратегии отмечается второстепенность развития информационноёмкого топоса: приоритетным становится совершенствование кампусного пространства вуза, модернизация аудиторных помещений. Акцент над реальным, приоритет оффлайна над виртуальным – так тезисно можно отобразить концептуальные основания подобного стратегического решения. Разумеется, в рамках данной стратегии целесообразно говорить о некоторой минимизации рисков: сдерживание виртуальности, акцентирование на оффлайн – всё это позволяет конструировать образовательную среду в достаточно вакуумной для риска среды. Поскольку сама цифровизация связана с трансформацией субъекта, вызовами в сфере цифровой этики и социально допустимых моделей поведения, то в рамках данной стратегии подобные риски будут представлены достаточно скромно. Однако подобное отсутствие рисков не говорит об отсутствии рискогенности как таковой.

Сдерживание цифровизации точно также связано с рисками, как и активное внедрение цифровых механизмов. Прежде всего, стоит сказать, что сама цифровизация значительно ускоряет процессы коммуникации в образовательной среде, позволяет современному человеку всегда быть в актуальной информационной повестке, обращаться к методическим ресурсам цифровой образовательной среды. В условиях сдерживания цифровизации есть серьезные

риски банально «не успеть» за головокружительными темпами как общественного развития вообще, так и образовательных ноу-хау в частности. В условиях сетевого общества, где пространство постоянно пребывает в состоянии изменения (расширения, сужения, дефрагментации), потоки информации пронизывают всё социальное бытие. Именно в данном контексте цифровые механизмы «фиксации» данных потоков позволят субъекту образования не только быть в тренде, но и самому формировать данные потоки информации.

Стратегия тотальной цифровизации. Здесь целесообразным является представление стратегии, которая является противоположной по отношению к первой. Если в первом случае мы говорили о своего рода «умеренности» и «сдерживании», о формировании такой системы ценности и приоритетов образования, в координатах которой акцент делается на развитии топоса физического пространства и коммуникациях оффлайн формата, то здесь же цифровизация раскрывается во всём своем разнообразии. На эту тему С.Е. Мансурова пишет: «Цифровая трансформация образования (ее признаки – ставшие повседневностью виртуальная и дополненная реальность, электронное обучение, цифровые образовательные технологии и цифровые образовательные ресурсы и др.), в значительной степени влияет на экосистемную трансформацию образования»¹⁴⁷.

Институт образования, будучи важнейшим институциональным компонентом сетевого общества, по всем своим спектрам деятельности обогащается ресурсами цифровизации: технологическими, методологическими, концептуальными. Данная стратегия представляет собой определенное видение образования будущего, в рамках которого человеческая субъектность претерпевает фундаментальные трансформации. К примеру, речь может идти о формировании полноценного цифрового двойника учащегося, внедрения биометрии в систему контроля над образовательным процессом, использование ресурсов искусственного интеллекта, тотальная геймификация образования,

---

¹⁴⁷ Мансурова С.Е. Феномен цифровых и образовательных экосистем: гуманитарный контекст // Ценности и смыслы. 2021. № 6 (76). С. 66.

мультимодальная педагогика, STEAM-образование (Science, technology, engineering, arts mathematics). Горизонты разворачивания «цифры» в образовательном пространстве чрезвычайно разнообразны, однако здесь хотелось бы особое внимание уделить процессам геймификации образования и STEM-образованию.

Геймификация образования – процесс внедрения игровых методик в образовательный процесс, с целью повышения эмоционального и познавательного погружения обучающихся в изучаемую проблематику. Справедливости ради стоит отметить, что современная наука и культура в целом обращается к игровой индустрии чрезвычайно часто. Так, взглянул на дискурс гуманитарной науки, мы обнаруживаем формирование так называемых *game studies*, в рамках которых производятся междисциплинарные исследования игровой индустрии. Так, представители социально-философской Саратовской школы пишут, что: «компьютерные игры эксплуатируют стереотипы и образы прошлого, отсылают к культурной памяти, откликаются на политику памяти, что неизбежно приводит к символической редукции исторического и религиозного знания»¹⁴⁸. Процессы внедрения игровых продуктов органично вписываются в стратегию тотальной цифровизации. Игра представляется здесь серьезным учебно-методическим инструментом, связанным не столько с человеческим увлечением и хобби, сколько с познавательной способностью субъекта образования и его общекультурными компетенциями. Значимость игровых методик исследователи отмечали еще задолго до появления персональных компьютеров. Однако, когда мы говорим о компьютерных играх, то мы обращаемся к процессам информатизации и цифровизации как серьезным инструментам повышения качества образовательного процесса.

---

¹⁴⁸ Артамонов Д. С. История религии и мифология в компьютерных играх // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: Материалы Всероссийского научного семинара, Астрахань, 28–30 октября 2020 года / Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет», 2020. С. 127.

Прежде всего, компьютерная игра – это программа, которая задает определенные технические и смысловые контуры существования обучающегося как игрока. В рамках игры пользователя имеет дело с интерактивным интерфейсом, который откликается на команды самого пользователя. В образовательных целях, к примеру, применяются игры, посвященные исторической тематике. Как правило, это стратегии, где обучающийся выступает в роли правителя. Основными задачами становятся: грамотное распределение ресурсов государства, налаживание внешнеполитических и внутреннеполитических процессов, улучшению благосостояния граждан государства. Подобные игры учат пользователя мыслить стратегически, планировать сложные процессы и мероприятия. Более того, исторические стратегии, как правило, воспроизводят реальный исторический контекст. Это позволяет не только погрузиться в реалии истории, но также сделать это в интерактивном формате, почувствовать свою историческую значимость и иметь силы повлиять на ход исторического развития цивилизации. Т.Г. Гайманова на тему образовательной значимости игр пишет следующее: «Во-первых, повышение мотивации, в результате которого повышается интерес к конкретной области знания. Во-вторых, данный метод позволяет рассмотреть определённые термины, теории, гипотезы с разных сторон, что развивает творческое мышление и творческий подход к работе»¹⁴⁹.

Об эффективности компьютерных игр, разумеется, целесообразно говорить не только в контексте исторического образования. Прежде всего, компьютерные игры демонстрируют свою эффективность в сферах образования, связанных с изучением языков, программировании, инженерии, медицины. В рамках игровой ситуации моделируются сложные исследовательские, педагогические и правовые кейсы, в пространстве которых пользователь может проверить свои компетенции и умения действовать в стрессовой ситуации. Тут справедливы слова о том, что «в реальной жизни можно смоделировать любую ситуацию в учебных целях, но это

---

¹⁴⁹ Гайманова Т.Г. Педагогическая геймификация // Педагогическая наука и практика. 2016. № 2 (12). С. 87.

сложно и требует больших материальных и временных затрат. Смоделировать целый виртуальный мир или целую, связанную между собой систему ситуаций – это задача как раз для компьютерных игр»¹⁵⁰. В итоге, в стратегии тотальной цифровизации мы имеем дело с внедрением в образовательную среду элементов инновации, которые открывают новые познавательные и методические горизонты. В данном случае, геймификация представляется как мощнейший инструмент для раскрытия потенциала, к примеру, высшей школы. Диалектическая связь между эмоциональным и познавательным компонентами в компьютерных играх позволяют успешно внедрять подобные практики в образовательный процесс.

Другим значительным результатом в стратегии тотальной цифровизации становится обращение к концепции STEM-образования. Данная концепция в своей сущности имеет акцентирование образования на естественных науках, технологиях, инженерии, математике, искусстве и гуманитаристике. STEM-образование вписывается в дух стратегии тотальной цифровизации по той причине, что в рамках данной концепции наблюдается активное использование цифровых методов обучения, активное внедрение онлайн-пространств. В данном случае мы имеем дело с четкой логической структурой, своего рода сетью явлений, которые полноценно и на достаточном уровне глубины описывает современный мир. STEM-образование провозглашает принцип, согласно которому, к примеру, инженер, обладая лишь своими профессиональными компетенциями, не может двигать науку и производство вперед. В приоритете становится развитие цифровых компетенций, а также так называемых soft-skills.

Особенно ярко природа STEM-образования раскрывается именно в условиях сетевого общества, которое тяготеет к междисциплинарности, прозрачности, вариативности образовательного дискурса, акцентированию на технологической стороне социальных коммуникаций и активному внедрению информационно-коммуникационных технологий. Более того, в рамках текущей

---

¹⁵⁰ Пискунов Л.А., Морозов Б.Б. Использование компьютерных игр в образовании // Вестник науки. 2020. № 3 (24). С. 104.

концепции мы наблюдаем соответствие важнейшим стратегическим задачам Российской Федерации, включающие в себя развитие цифровой экономики¹⁵¹ и формирование технологического суверенитета страны¹⁵². Образование в сетевом социума становится важнейшим институтом для продуцирование политических смыслов в обществе, а также формирования круга экспертов, необходимых для наиболее важных сфер развития российского государство. По этой причине STEM-образование, с одной стороны, актуально на текущей момент развития истории, с другой стороны – оно соответствует целям национального развития, помогает формировать благоприятную среду для социального и технологического развития страны.

Стратегия тотальной цифровизации значительно трансформирует онтологические основания института образования. Как мы уже упоминали в случае социально-онтологических изменений сетевого общества, так и в кейсе института образования наблюдается схожие процессы. К примеру, образовательное пространство, с одной стороны, сужается и насыщается более быстрыми форматами коммуникациями в формате двоичного кода. С другой – дефрагментируется, становится непостоянным, подвижным, зависимым от технологического обеспечения (серверов, центров, платформ).

Моделируя ситуацию тотальной цифровизации, особенно значимым становится явление программного обучения. Цифровизация образования показывает свою состоятельность и актуальность в условиях эпидемиологических ограничений 2020-2022 годов. Аудиторное образование уходит на второй план, лишь робко намекая нам о своём присутствии. Новая реальность диктует новые правила социальной игры, образовательной деятельности, а также качественного нового восприятия современной экономики знаний. Прогрессивное

---

¹⁵¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [Сайт]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

¹⁵² Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 г. № 166 О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [Сайт]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2024).

экономическое развитие современной цивилизации привело социум в качественно новый формат общественной конфигурации, целью которой становится накопление, распространение и оптимизация знания для текущих реалий, пронизанных эффектом, в том числе, COVID-19. В этом сложнейшем социальном и экзистенциальном кейсе человечество прибегает к помощи технологий, которые способны не только залатать «дыры» образования в условиях нынешних ограничений, но и обучить машину как нового цифрового учителя (хоть и без души). Программы машинного Обучения смогут алгоритмизировать современное образование, выстроить новый технологически-информационный космос образования, привести чаяния современных мыслителей из сферы футурологии в жизненную практику.

Дополнительно скажем, что основой всякой технологии будем эпистемная база – знание о явлении, его сущности специфике. Также и ПМО мы можем раздробить на блоки, которые:

- 1) во-первых, будут представлять собой теоретико-методологическую базу и информацию и цифровом продукте;
- 2) во-вторых, будут иметь четкую стратегию, задачи, цель и методы для внедрения её в образовательное пространство;
- 3) в-третьих, иметь конкретную эпистемную базу, которая будет представлять собой исчерпывающее исследования о применимости, рисках и возможности внедрения в образования. Итогом становится постепенное и плавное внедрение технологий программ машинного обучения в дискурс образования.

Тотальная цифровизация образования мультиплицирует значимость образовательных платформ, которые становятся удобной площадкой для осуществления образовательной деятельности. Более того, конструируются и исследовательские горизонты для анализа деятельности подобных платформ, их функционирования и корреляции с другими институтами общества. Целесообразно предположить, какой перечень исследовательских направлений может быть сформирован, целью которого будет исследования платформенного образования.

Психология платформенного образования. Уже существует ряд дисциплин, которые изучают работу цифрового сознания в рамках современного образовательного процесса. Однако в данной дисциплине будет делаться акцент на восприятие субъекта в платформенном дискурсе, которые вбирает в себя как элементы классического образования, так и дистанционного. На какие вопросы призвана ответить данная дисциплина: как платформа деформирует мышление об образовании? Что в восприятии платформы студентов является первостепенным, на что делается особый акцент? Экономические исследования по данной дисциплине могут претендовать на выигрыш гранта, так как в своих задачах дисциплина содержит важнейшие государственные задачи: минимизация рисков в образовательной сети, изучение современного сознания цифровой молодежи, грамотной перераспределение ресурсов в условиях кризиса классического образования.

Архитектоника платформ. В данном направлении может анализироваться непосредственно структура (топика) и иерархия организма сообщества. Как известно, платформа представляет собой сложную систему, включающая в себя множество динамичных элементов и подсистем. Для выстраивания качественного дискурса платформенного образования необходимо правильно расставить акценты. Здесь можно говорить о разработке концепта сообщества, визуального оформления, создание дизайн и тематических подборок. Помимо этого, кроме прагматических элементов можно говорить и о более фундаментальных вопросах: основная тематика и иерархия подтем, политика работы с аудиторией, вопрос подбора модераторов и т.д. Экономическая потенция образования реализуется в данном направлении посредством работы с формированием концептов и дизайна сообществ, которые могут стать привлекательным предметом для продажи для частных сообществ в сети Интернет.

Практика создания продуктов платформы. Исследования в данной тематики могут быть представлены изучением стратег и механизмов формирования конкретного продукта сообщества (ролики, лекции, инфографики и др). В условиях ризоматического образования особую роль играет совокупность

достижений (так называемые «Achievements») студентов группы. Именно речь идет о продуктах. Данное направление может заниматься аналитикой рейтингов продукта (что интересно аудитории), исследовать феноменологию сообщества относительно материала, углубить знание относительно наиболее рационального пути продвижения продукта (в среду, на рынок, в массы, в другие сообщества).

Кроссплатформенные связи и логика исследования платформ. Наиболее метапредметные исследования представлены тут. С одной стороны, можно говорить о том, как платформы взаимодействуют между собой, образуют своего рода образовательные консорциумы. Как регулируется политика коммуникации платформ уже в правовом поле, как работает «авторитет» платформы в глазах других сообществ, как платформы находят друг друга для взаимодействия и к каким механизмам коммуникации прибегают. Говоря о логике исследования платформ, отметим, что это аналог философии науки для самой философии. Данные исследования направлены на поиск лучшей методологии изучения платформ, создания новых парадигмальных и концептуальных оснований.

Стратегия гибридности. Своего рода синтезом двух вышеобозначенных стратегий становится стратегия гибридности, которая производит снятие противоречий стратегий тотальной цифровизации и ее сдерживания. Если в условиях первой стратегии мы говорили о сдерживании как о приоритете оффлайн коммуникаций над онлайн, акценте на развитии топоса реального физического пространства. Во втором случае мы говорили о серьезной экспансии «цифры» на все образовательное пространство, фундаментальных социально-онтологических сдвигах и акцентировании, упоре на развитии информационноёмкого топоса. То стратегия гибридности, в линии институционализации образования, будет снимать противоречие: акцент делается в рамках стратегии на развитие человеческого капитала, при этом используя все доступные ресурсы цифровизации. На эту тему Т.П. Монако в своей работе пишет, что «теория человеческого капитала существенно меняет роль системы образования в становлении профессиональных кадров. В настоящий момент учеными не выработано классическое определение человеческого капитала. При

этом следует отменить, что все исследователи едины в том, что определяют человеческий капитал через образование»¹⁵³.

В стратегии гибридной институционализации мы имеем дело с субъектноцентристской ориентацией образования. Применяемая во второй стратегии акторно-сетевая оптика, которая приравнивает человека и не-людей (субъект и объекты уравниваются), здесь не раскрывается во всем своем многообразии. Стратегия гибридности утверждает верховенство человеческой субъектности, личности человека. В данном случае искусственный интеллект, цифровые методы образования, цифровые двойники – всё это становится органичным дополнением к основной интенции образования. Подобная направленность отображает идеалы человечества и гуманизма, соответствует общечеловеческим ценностям. Гибридность в образовании – это стратегия развития человеческого капитала, в которой цифровые методы лишь дополняют основные образовательные практики. В текущем дискурсе человеческий капитал будет представлен несколькими составляющими компонентами. Во-первых, это плотность и интенсивность социальных связей в структуре сети коммуникаций. Иными словами, здесь речь идет о том, в какой мере количество сообществ человек включён, какой социальной топос и статус он в них занимает.

Здесь роль образования является исключительной. Оно производит процедуру так называемой вторичной социализации, включает человека в экспертные и профессиональные сообщества. Следуя сетевой логике, в структуру сети (которая в данном случае представлена самим человеком) включаются новые узлы коммуникации: люди, не-люди, институты, организации, органы государственной власти и т.д. Плотность и интенсивность коммуникаций позволяет человеку обогащать свой человеческий капитал, насыщать свое сознание знанием и информацией, обмениваться наиболее значимым социальным опытом с другими участниками общественных процессов.

---

¹⁵³ Монако Т.П. Человеческий капитал и образовательное пространство // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 8 (64). С. 155.

В условиях гибридной стратегии человек сам становится интерактивной сетевой структурой. Он включает себя в более крупные макро-сетевые структуры, которые живут по принципу постоянного обмена информацией. Информационные потоки соответствуют общему дискурсу сети, откликаются в ее системе ценностей и приоритетов. Подобные коммуникации дополняются элементом виртуальности, то есть среды онлайн, которая воспроизводится благодаря цифровым механизмам. Сеть осуществляет свою динамику как в топосе физического, так и информационного пространства. Органичным дополнением становятся уже сервисы социальных сетей, потенциал которых в образовательных практиках еще находится на стадии своего раскрытия. Т.Д. Лопатинская на эту тему говорит о том, что «социальные сети, выступая средством массовой коммуникации, особым способом конструирования коммуникативного пространства, выполняют ряд особых функций, которые в свою очередь создают и поддерживают ценностный каркас, представляющий собой духовную, нравственную, ценностную опору современного общества, без которой немыслимо дальнейшее развитие»¹⁵⁴.

Второй компонент человеческого капитала в данной стратегии будет представлен как интеллектуальный. Поскольку сама сетевая структура представляет собой интеллигибельное пространство, детерминированное циркуляцией потоков информации, то и участник сетевой структуры для гармоничного встраивания в сетевой дискурс необходимо в режиме нон-стоп обогащается новым знанием. Институт образования в этом непростом кейсе помогает человеку, пребывающему в сетевых структурах. Сетевая ориентация института образования тяготеет к наращиванию горизонтальных связей, и, значит, к наращиванию количества потенциальных источников знаний.

Цифровые инструменты, в свою очередь, помогают здесь познавать субъекту наиболее важные и актуальные дисциплинарные направления современной науки. Среди них: цифровая экономика, цифровая этика,

---

¹⁵⁴ Лопатинская Т.Д. Человек-техногенный в виртуальном пространстве социальных сетей // Философия и культура. 2018. № 6. С. 75-76.

искусственный интеллект, soft и hard skills. Совокупности вышеобозначенных факторов дает не сиюминутый социальный эффект, но представляет собой долгосрочную стратегическую перспективу. Умелое совмещение в образовательном пространстве живой коммуникации образовательного процесса, а также техническая поддержка при помощи цифровых инструментов – всё это позволяет человеку оставаться актуальным субъектом, не теряя собственной аутентичности, не пребывая в измерении симулятивной реальности.

Заключение

В эпоху ценностного и социального транзита перед человеком возникает множество вызовов. Связаны они с чрезвычайно различными аспектами бытия личности: познавательным, морально-этическим, коммуникативным. Подобного рода вызовы порождает как серьезное количество новых возможностей для цивилизации, ранее недоступных, так и немалое количество рисков, анализом и профилактикой которых занимается социально-философская наука. Одной из самых острых проблем двадцать первого столетия становится институциональная природа образования. Обусловлено это тем фактором, что, с одной стороны, образование должно базироваться на общечеловеческих ценностях и наиболее рациональных моделях поведения, с другой же – образование должно быть пластичным и прозрачным, с целью достойного ответа на глобальные вызовы.

Первой предпосылкой трансформаций образования стало формирование сетевого общества, в пространстве которого происходит переосмысление не только фундаментальных онтологических категорий, но и роли субъектности человека. В подобных условиях институционализация образования протекает в контексте трансформационных вызовов сетевого общества.

Вторая предпосылка значительных трансформаций образования – цифровизация реальности, массовое распространение информационно-коммуникационных технологий, появление новых познавательных горизонтов цифрового бытия. Данный контекст вынуждает образование соответствовать ускорению социальных коммуникаций, а также появлению пространственных и структурно-функциональных вызовов на уровне собственной институциональности.

В ходе данного исследования была выполнена главная цель диссертации, а именно – выявление стратегий институционализации образования в сетевом обществе. В первой главе работы были проанализированы теоретико-методологические и категориально-понятийные основания концепции сетевого общества М. Кастельса, а также была проведена социально-философская

аналитика теории институционализации. Очертив смысловое поле, первая глава позволила в рамках исследования перейти ко второй, практической главе диссертации, основной повесткой которой стала типологизация институциональных форм образования в сетевом обществе. Дополнительно была исследована степень их рискогенности, а также механизмы формирования коммуникационной и пространственной динамики.

Использование пространственного подхода позволило в диссертации выделить два измерения процесса институционализации образования в сетевом обществе. Здесь речь идет о топосе реального физического пространства, включающий в себя развитие оффлайн коммуникации и инфраструктурной составляющей. Помимо этого, особо значим элемент виртуального пространства, или информационноёмкого топоса, конструирующийся с помощью цифровых инструментов. Исследование уровня рискогенности процесса институционализации образования, а также пространственной и коммуникационной динамики позволили предложить три стратегии. Первая стратегия институционализации связана со сдерживанием цифровизации и приоритетом оффлайна над онлайн. Вторая стратегия – тотальная цифровизация, связанная с экспансией цифры на все образовательное пространство, а также огромным акцентом технологизма над человеческой личностью и ее ценностными основаниями. Третья стратегия, на наш взгляд, является самой рациональной и востребованной, представляет собой гибридную институционализацию – своего рода снятие противоречия между двумя предыдущими стратегиями. В ее рамках акцентирование делается на пополнение человеческого капитала: его социальных связях и интеллектуальном развитии. Цифровые инструменты здесь являются лишь органичным дополнением, своего рода техническим решением, образовательным кейсом. Чрезвычайно важным инструментом, однако не способным заменить живую человеческую экзистенцию и уникальность человеческой личности.

Таким образом, в ходе исследования было выяснено, что институционализация образования в сетевом обществе – сложный и многомерный

процесс, которому присуща серьезная доля рискогенности. Под влиянием развития сетевого общества, институционализация образования проявляет себя на пространственном, аксиологическом и познавательном уровнях. Исходя из той сюжетной линии, которая будет выбрана российским обществом в сфере становления института образования в контексте сетей, зависит чрезвычайно многое. Данный цивилизационный выбор напрямую станет детерминантой содержания общественного сознания, системы ценностей и приоритетов личности, а также вектора государственного развития. По этой причине разворачивание темы института образования в контексте сетей представляет перспективным направлением отечественной науки, в том числе, социально-философской.

Список литературы

1. Абросимова, Е.Е. Образовательный потенциал современной видеоблогосферы / Е.Е. Абросимова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2022. – № 4 (63). – С. 20-26.
2. Аквинский, Ф. Сумма теологии: с комментариями и объяснениями / Фома Аквинский; пер., сост., предисл., коммент. К. Бандуровского. – М.: Издательство АСТ, 2019. – 320 с.
3. Аникин, Д. А. Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти / Д.А. Аникин // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10, № 1(53). – С. 19-28.
4. Анохин, В.Б., Трошичев, А.Н. Пострациональность сетевого общества / В.Б. Анохин, А.Н. Трошичев // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2010. – № 1. – С. 3-8.
5. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2020. – 223 с.
6. Артамонов, Д.С. История религии и мифология в компьютерных играх / Д.С. Артамонов // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации: Материалы Всероссийского научного семинара, Астрахань, 28-30 октября 2020 года / Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. Астрахань: «Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Астраханский государственный университет». – 2020. – С. 126-132.
7. Артамонов, Д.С. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде / Д.С. Артамонов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 234-239.
8. Баньковская, Ю.Л. Сетевой подход как методология исследования социальных конфликтов и рисков современной цивилизации / Ю.Л. Баньковская //

Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. – 2022. – № 4. – С. 43-48.

9. Баюров, А.Е., Петрова, О.А. Виртуальная реальность в образовании / А.Е. Баюров, О.А. Петрова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2019. – № 3. – С. 633-635.

10. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Т. Лукман, П. Бергер. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.

11. Бережнова, Е.В. Образование как ценность / Е.В. Бережнова // Вестник МГИМО. – 2014. – №2. – С. 240-241.

12. Береговая, О. А. Философия образования в глобализирующемся мире: компаративный анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Береговая Оксана Александровна. – Архангельск, 2022. – 390 с.

13. Брызгалина, Е.В. Будущее образования связано с гибридными формами / Е.В. Брызгалина // Информационно-аналитический журнал «Медиатренды». – 2021. – № 6 (84) – С. 4-4.

14. Быков, И. А. Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества: дис. ... д. полит. наук: 10.01.10 / Быков Илья Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2016. – 322 с.

15. Василенко, Н.В. Институциональный подход к исследованию образования / Н.В. Василенко // Образование и наука. – 2006. – № 5. – С. 20-27.

16. Вебер, М. История хозяйства. Город / М. Вебер; Институт социологии РАН, Московская высшая школа социальных и экономических наук, Центр фундам. социологии; [отв. ред.: Г. Э. Кучков, Н. Д. Саркитов]. – М.: «Канон-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. – 575 с.

17. Вешнева, И.В., Сингатулин, Р.А. Трансформация образования: тенденции, перспективы / И.В. Вешнева, Р.А. Сингатулин // Высшее образование в России. – 2016. – № 2. – С. 142-147.

18. Вихман, В.В. Феномен образования в полидисциплинарных теоретизациях: проблема систематизации / В.В. Вихман // Социология. – 2021. – №. 3. – С. 209-218.
19. Власенко, А.Р. Онлайн-школа: за и против/ А.Р. Власенко // SAF. – 2021. – № 22. – С. 129-133.
20. Воденко, К.В., Боровая Л.В., Ефимов А.В. Культурный иммунитет российского общества в свете трансформации культуры образования / К.В. Воденко, Л.В. Боровая, А.В. Ефимов // Гуманитарий Юга России. – №. 4. – 2020. С. 42-53.
21. Гайманова, Т.Г. Педагогическая геймификация / Т.Г. Гайманова // Педагогическая наука и практика. – 2016. – № 2 (12). – С. 85-89.
22. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. Вступительная статья В.Н.Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н.Ярхо. –Лабиринт, 2001. – 256 с.
23. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс; научная редакция В. А. Ядов; Общая редакция Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича; [Перевод В. Малышенко и др.]. – М.: «Эдиториал УРСС», 1999. – 703 с.
24. Гладышев, В.И. Человек в сети: одиночество и общение / В.И. Гладышев, Е.Г. Миляева, Р.В. Пеннер // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2022. – № 4(34). – С. 63-81.
25. Глотова, М.Ю., Самохвалова, Е.А. Мобильные технологии в образовании / М.Ю. Глотова, Е.А. Самохвалова // Преподаватель XXI век. – 2022. – № 1. – С. 138-149.
26. Гобрусенко, Г.К. Онтологии акторно-сетевой теории // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2015. – №7. – С. 37-44.
27. Гомер. Илиада / Гомер. Перевод Н. И. Гнедича; [Предисловие И. Шталь]; [Иллюстрации Д. Бисти]. – М.: Гослитиздат, 1960. – 435 с.
28. Горохов, В.Ф. Социальное действие: структура и типы / В.Ф. Горохов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – №9-2. – С. 190-198.

29. Грановеттер, М. Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экономическая социология. – 2009. – №4. – С. 31-51.
30. Давыдов, О.Б. Сетевое общество и его бытие / О.Б. Давыдов // Russian Journal of Education and Psychology. – 2013. – № 11. – С. 1-9.
31. Данилов, С.А., Ручин, В.А. Рискогенность образования и социокультурный потенциал общества в условиях цифровизации / С.А. Данилов, В.А. Ручин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 10-14.
32. Данте, А. Божественная комедия; Новая жизнь; Стихотворения, написанные в изгнании; Пир: [пер. с итал.] / Алигьери Данте. Москва: Рипол-Классик, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 958 с.
33. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: «Канон», 1995. – 352 с.
34. Евсеева, Л. И. Трансформация образовательной среды в условиях сетевого общества / Л. И. Евсеева, О. Д. Шипунова // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды IX Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 октября 2017 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2017. – С. 109-115.
35. Зборовский, Г.Е., Шуклина, Е.А. Взаимодействие между образовательными общностями российского мегаполиса: проблемы управления / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина // Муниципалитет: экономика и управление. – 2017. – №. 3 (20). – С. 21-30.
36. Иванов, А.В. Коммуникация риска: теоретические основания и современные дискуссии / А.В. Иванов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 251-256.
37. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс. – Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 471.

38. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс, пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. – Екатеринбург: «У-Фактория», 2004. – 328 с.
39. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
40. Кирия, И.В. Онлайн-образование и «Креативная мифология»: феномен массовых открытых онлайн-курсов через призму критической теории медиа / И.В. Кирия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2019. – № 1. – С. 3-24.
41. Князева, Е.И. Сетевая теория в современной социологии / Е.И. Князева // Социология. – 2006. – № 2. – С. 82-88.
42. Коллинз, Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз, Перевод Вадима Россмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 320 с.
43. Крючкова, С.Е., Храпов, С.А. Современный университет в условиях цифровизации: поиск экзистенциально-аксиологической модели образования / С.Е. Крючкова, С.А. Храпов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 4 (486). – С. 68-77.
44. Кузнецова, Ю.Н. Ценности и их роль в принятии решений / Ю.Н. Кузнецова // Казанский педагогический журнал. – 2014. – № 4. – С. 156-161.
45. Куркина, Е.С., Князева, Е.Н. Методология сетевого анализа социальных структур / Е.С. Куркина, Е.Н. Князева // Философия науки и техники. 2017. – №2. – С. 120-135.
46. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур, перевод с английского И.Полонской; под редакцией С. Гавриленко; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

47. Левшина, О.Н. Преподавание наук о культуре в свете теории интеллектуальных сетей Рэндалла Коллинза / О.Н. Левшина // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2008. – № 18. – С. 74-77.
48. Лешер, О.В., Григоренко, Л.А. Цифровая образовательная среда вуза как ресурс формирования познавательных потребностей студентов / О.В. Лешер, Л.А. Григоренко // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75-4. – С. 166-169.
49. Лозовая, И.В. Теория институциональных изменений Д. Норта. Формальные и неформальные институты / И.В. Лозовая // Территория науки. – 2016. – № 4. – С. 98-101.
50. Ломако, О. М. Генеалогия российского образования в социально-философской реконструкции / О.М. Ломако // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2023. – № 2(95). – С. 58-62.
51. Лопатина, К.В. Ризоматическое моделирование онтологического пространства / К.В. Лопатина // Омский научный вестник. – 2009. – № 6. – С. 104-108.
52. Лопатинская, Т.Д. Человек-техногенный в виртуальном пространстве социальных сетей / Т.Д. Лопатинская // Философия и культура. – 2018. – № 6. – С. 68-77.
53. Листвина, Е.В. Риски образовательного пространства / Е.В. Листвина // Гуманитарные науки и образование. – 2012. – № 1. – С. 38-43.
54. Майер, Б.О. Образование в условиях глобальных изменений: методологическая функция философии образования / Б.О. Майер // Философия образования. – 2012. – № 6 (45). – С. 117-124.
55. Мансурова, С.Е. Феномен цифровых и образовательных экосистем: гуманитарный контекст / С.Е. Мансурова // Ценности и смыслы. – 2021. – № 6 (76). – С. 62-73.
56. Марков Б.В. Высшее образование перед вызовом сетевого общества: философские сюжеты / В.Б. Марков // Высшее образование в России. – 2021. – № 2. – С. 100-111.

57. Монако, Т.П. Человеческий капитал и образовательное пространство / Т.П. Монако // *Russian Journal of Education and Psychology*. – 2016. – № 8 (64). – С. 153-157.
58. Мор, Т. Утопия /Т. Мор; Перевод с латинского Ю.М. Каган; Вступительная статья И.Н. Осинковского [с. 5-81]; Комментарий Ю.М. Каган и И.Н. Осинковского. – М: Наука, 1978. – 415 с.
59. Назарчук, А. В. Мультикультурализм в сетевом обществе / А.В. Назарчук // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2012. – № 1(107). – С. 108-112.
60. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // *Вопросы философии*. – 2008. – № 7. – С. 61-75.
61. Назарчук, А. В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества / А. В. Назарчук // *Вопросы философии*. – 2012.– № 9. – С. 56-66.
62. Николаева, Н.С. Образование как социальный институт: функции и дисфункции / Н.С. Николаева // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки*. – 2011. – № 4. – С. 172-177.
63. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт, Перевод с английского А.Н. Нестеренко; предисловие и научная редакция Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 190 с.
64. Обухов, К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса / К.Н. Обухов // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*. – 2008. – № 1.– С. 107-110.
65. Орлов, М.О. Особенности социализации человека в условиях глобализирующейся цивилизации / М.О. Орлов // *Вестник Омского университета*. 2021. – Т. 26, № 2. – С. 79-82.

66. Островская-Младшая, Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX в. / Е.А. Островская-Младшая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2003. – № 4-5. – С. 114-131.
67. Парсонс, Т. О социальных системах /Т. Парсонс, под редакцией В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
68. Пеннер, Р. В. Цифровая идентичность: теория и методология / Р. В. Пеннер // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2024. – Т. 48, № 2. – С. 98-113.
69. Пискунов, Л.А., Морозов, Б.Б. Использование компьютерных игр в образовании / Л.А. Пискунов, Б.Б. Морозов // Вестник науки. – 2020. – № 3 (24). – С. 103-106.
70. Плаксина, Н.В., Овчинникова, М.В. Актуальные тренды цифровизации образования в мире / Н.В. Плаксина, М.В. Овчинникова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 181-188.
71. Платон. Государство / Платон; вступительная статья: К. А. Сергеева, Л. С. Камневой. Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 2005. – 571 с.
72. Понизовкина, И.Ф. Цифровизация высшего образования: перспективы и риски / И.Ф. Понизовкина // Право и практика. –2020. – №1. – С. 194-202.
73. Попов, Д.Н. Образование как институт формирования сознания и мышления (феноменологический подход). Дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук./ Попов Д.Н. – Ярославль, 2018. – 128 с.
74. Потапчук, И.В. Первые университеты эпохи Средневековья / И.В. Потапчук // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2016. –№ 7 (23). –С. 92-97.
75. Прокопьев, М.Ю. Калокагатия: соотношение истины, добра и красоты / М.Ю. Прокопьева // Вестник Курганского государственного университета. – 2014. – №. 3 (34). – С. 30-32.

76. Равочкин, Н.Н., Бобриков, В.Н., Щенников, В.П., Рахинский Д.В. Институциональная проблематика в зеркале социальной философии. социологические и философские подходы / Н.Н. Равочкин, В.Н. Бобриков, В.П. Щенников, Д.В. Рахинский // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – № 2 (30). – 2021. – С. 144-153.

77. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [Сайт]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

78. Рахимов, Р.Р. Тренды в индивидуализации образования / Р.Р. Рахимов // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. – 2022. – № 1-2 (62). – С. 125-127

79. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. Пер. с англ. А. Гарькавого. М.: «ФАИРПРЕСС», 2006. – 416 с.

80. Ручкина, Г.Ф. Гуманитарное образование как ценность культуры / Г.Ф. Ручкина // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2012. – № 182. – С. 109-113.

81. Рязанов, А. В. Цифровизация и повседневность / А.В. Рязанов // VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика»: Материалы международной научно-практической конференции, Саратов, 12 февраля 2021 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. – С. 240-244.

82. Саяпин, В.О. Сетевое общество как матрица современной структуры социальной виртуальности / В.О. Саяпин // Манускрипт. – 2016. – №. 1 (63) – С. 140-147.

83. Серкина, Н.Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса / Н.Е. Серкина // Вестник Майкопского государственного технологического университета.– 2019. – № 2. – С. 161-69.

84. Сивоконь, А.С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе / А.С. Сивоконь // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – №1. – С. 162-169.
85. Синельникова, Л.Н. Ризома и дискурс интермедиальности / Л.Н. Синельникова // Russian Journal of Linguistics. – №4. – 2017. – С. 805-821.
86. Сипко, Е.С. Использование платформы «YouTube» в системе образования бакалавров направления подготовки «Реклама и связи с общественностью»/ Е.С. Сипко // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 2 (32). – С. 98-104.
87. Смолина, Е.Ю. Кампусный проект как инструмента управления / Е.Ю. Смолина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2022. – № 3. – С. 226-227.
88. Сорокин, П.А. Система социологии / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1993. 688 с.
89. Суханова, Н.П. Институционализация науки в России: золотой XIX век / Н.П. Суханова// Вестник Омского университета. – 2019. – №4. – С. 90-95.
90. Суховская, Д.Н. Анализ образовательной среды и социальных условий обучения: кейсы университетов юга России / Д. Н. Суховская // Kant. – 2023. – № 3(48). – С. 243-251.
91. Суховская, Д. Н. Теоретические основы ризоматического обучения / Д. Н. Суховская, Л. И. Ермакова // Образование России и актуальные вопросы современной науки: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 20–21 мая 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, Пензенский государственный университет, 2024. – С. 436-438.
92. Сюсюкин, В. А. Сетевое общество и институт образования: абрис социально-философской рефлексии / В.А. Сюсюкин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2023. Т. 23, № 3. – С. 287-292.

93. Сюсюкин, В. А. Стратегии модернизации образования в постсекулярном мире / В.А. Сюсюкин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2022. –Т. 22, № 2. – С. 165-169.

94. Ташкинов А.А., Шевелев Н.А., Данилов А.Н., Столбов В.Ю. Стратегическое партнерство вузов и бизнес-сообщества // Университетское управление: практика и анализ. – 2011. – № 6. – С. 44-52.

95. Творения / Блаженный Августин; сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. – Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. / 1998. Т. 3, Кн. 1-13: О граде Божиим. – 595 с.

96. Тихонова, И.Ю. «Умные толпы» как феномен информационного общества / И.Ю. Тихонова// Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2020. – № 2. – С. 78-85

97. Тихонова, С. В. Праксис и дейксис научного гуманитарного исследования: в поисках новой нормальности / С.В. Тихонова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 75. – С. 300-306.

98. Тихонова, С. В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета / С.В. Тихонова // Полис. Политические исследования. – 2016. – №3. – С. 138-152.

99. Трубицын, О. К. Формирование теории сетевого общества / О.К. Трубицын // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2011. – № 2. – С. 45-52.

100. Указ Президента Российской Федерации от 30.03.2022 г. № 166 О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации [Сайт]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2024)

101. Устьянцев, В.Б. Институциональный человек в рискогенных микроструктурах современного социума / В.Б. Устьянцев // Восток, Запад, Россия: философские и социокультурные основания взаимодействия цивилизаций,

Саратов, 28–29 сентября 2016 года / сборник научных трудов. – Саратов: ООО Издательство «КУБиК», 2017. – С. 70-74.

102. Устьянцев, В.Б. Топосы современного социума: рефлексия путей информатизации / В.Б. Устьянцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2019, Т. 19. – № 4. – С. 403-407.

103. Филимонова, О.Ф. Молодежь, образование, интеллектуализация труда: тенденции и противоречия / О.Ф. Филимонова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2011. – Т. 11, № 1. – С. 48-53.

104. Халиуллина, Л.И. Подходы к институтам в современной социальной теории / Л.И. Халиуллина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2013. – № 4. – С. 118-120.

105. Храпов, С.А., Баева, Л.В. Философия рисков цифровизации образования: когнитивные риски и пути создания безопасной коммуникативно-образовательной среды / С.А. Храпов, Л.В. Баева // Вопросы философии. – 2021. – № 4. – С. 17-26.

106. Хуторной, С.Н. Киберпространство и становление сетевого общества: специальность 09.00.11 Социальная философия: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Хуторной С.Н. – Воронеж, 2013. – 166 с.

107. Царьков, И.И. Библия как первичный нормативный текст / И.И. Царьков // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2015.– № 2. – С. 284-291.

108. Чеботарев, Ю.А. Теоретический аспект формирования института образования / Ю.А. Чеботарев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. –2005. – № 3. – С. 23-26.

109. Шашкова, С.Н., Кондратенко,Н.А. Современные тенденции развития института образования / С.Н. Шашкова, Н.А. Кондратенко // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 98-107.

110. Шевченко, А.И. Цифровизация как этап развития общества: философский взгляд / А.И. Шевченко // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 5 (85). – С. 40-44.

111. Шейнин, Э.Я., Агаджанян, А.А., Галенко, О.И. Онлайн-школы как новый сектор экономики образования / Э.Я. Шейнин, А.А. Агаджанян, О.И. Галенко // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. – 2022. – № 1 (31). – С. 60-77.

112. Шенцева, Е.А. Сетевой подход: истоки и перспективы / Е.А. Шенцева // Идеи и идеалы. – 2012. – №2. – С. 48-57.

113. Шуклина, А., Оганесян, Д.Г. Высшее образование в контексте сетевой теории: особенности сетевых взаимодействий с другими институциональными субъектами / А. Шуклина, Д.Г. Оганесян // Стратегии развития социальных общностей, институтов, территорий. Материалы III Международной научно-практической конференции: в 2-х томах. Том 1. Екатеринбург, 2017. – С. 247-250.

114. Щенина, О.Г. Измерения цифровизации: технологическое, антропологическое, сетевое / О.Г. Щенина // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы конференции, Ярославль, 18-19 апреля 2024 года. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024. – С. 450-456.

115. Майер, Б.О. Образование в условиях глобальных изменений: методологическая функция философии образования / Б.О. Майер // Философия образования. – № 6 (45). – 2012. – С.119.

116. Калюжина, Е.В. Институциональные черты высшего образования и их эволюция с позиций концепции «трех волн» / Е.В. Калюжина // Вестник КГУ. – 2009. – № 2. – С. 13-17.

117. Равочкин, Н.Н. Институт как объект социально-философского анализа / Н.Н. Равочкин // Грамота. – 2019. – Т. 12, № 8. – С. 109-113.

118. Истомина, О. Б. Институт образования и современная социальная реальность: признаки и тенденции развития / О.Б. Истомина // Философия

образования. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 5-17. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230101>

119. Истомина, О. Б., Серебренникова, О. А., Тюменцева, В. Е. Информационная среда: вызовы и ответы современной системы образования: монография. – Науч. ред. М. В. Золхоева. – Электрон. текст. Дан (3,8 Мб). – Иркутск: Аспринт, 2024. – 156 с.

120. Попов, Д.Н. Образование как институт формирования сознания и мышления (феноменологический подход): дисс. ...к-та филос. наук: 09.00.11. / Попов Дмитрий Николаевич. – Ярославль, 2018. – 128 с.

121. Топчий, А.Ю. Аксиологические основания непрерывного образования в современном российском обществе: социально-философский анализ: дисс. ...к-та филос. наук: 5.7.7. / Топчий Александр Юрьевич. – Москва, 2024. – 170 с.

122. Эразм Роттердамский. Похвала глупости / Эразм Роттердамский; пер. с латин. П. Губера; [предисл. с. 5-40 и примеч. Л. Пинского; ил. Г. Гольбейна-мл.]. М.: Художественная литература, 1983. – 239 с.

123. Юсуфов, М.М. Концептуализация понятия «Социальный институт» в современной социологии / М.М. Юсуфов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – №4. – С. 162-166.

124. Crossley, N. A Dependent structure of interdependence: Structure and agency in relational perspective / N. Crossley // Sociology. – 2021. – vol. 56, no. 1. – Pp. 166-182.

125. Fuhse, J. Theories of Social Networks. The Oxford Handbook of Social Networks / J. Fuhse // R.Light, J.Moody (eds). Oxford, Oxford University Press. 2020. – Pp. 34-49.

126. Law, J., Singleton V. Performing technology's stories: On social constructivism, performance, and performativity /J. Law, V. Singleton // Technology and Culture. – 2000. – (4). – Pp. 765-775.

127. Lee, M., Martin J.L. Doorway to the Dharma of Duality / M. Lee, J.L. Martin // Poetics. – 2018. – vol. 68. – Pp. 18-30.

128. Mische, A. Relational Sociology, Culture, and Agency / A. Mische // The Sage Handbook of Social Network Analysis; J. Scott, P. Carrington (eds). – London: «Sage», 2011. – Pp. 80-97.

129. Parsons, T. The problem of controlled institutional change / T. Parsons – Essays in sociological theory NY Free Press, 1954. – 459 p.

130. Wellman, B. Network analysis: some basic principles / B. Wellman // Sociological Theory. – 1983. – Vol. 1. – Pp. 158-162.

131. White, H.C., Fuhse, J., Thiemann, M., Buchholz, L. Networks and meaning: Styles and switchings / H.C. White, J. Fuhse, M. Thiemann, L. Buchholz // Soziale Systeme. – 2007. – Vol. 13, no. 1-2. – Pp. 534-555.